

Дилогия
в одном
томе

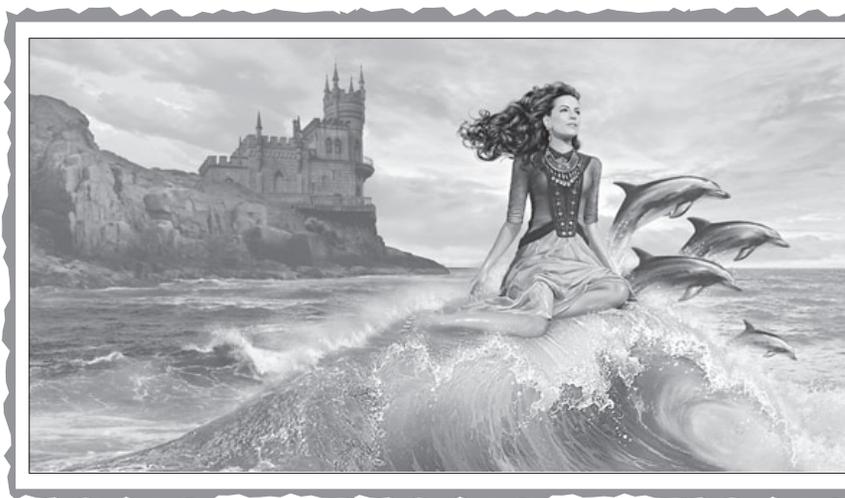
ОКСАНА ДЕМЧЕНКО

Безупречный враг

Москва, 2012

ОКСАНА ДЕМЧЕНКО

Диалогия
в одном
томе

- Последний сирин •
- Морииль •

Издательство АЛЬФА-КНИГА

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5
Д30

Серия основана в 2005 году
Выпуск 127

Художник
В. Успенская

Демченко О. Б.
Д30 Безупречный враг: Последний сирин; Морииль. — М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2012. — 667 с.: ил.

ISBN 978-5-9922-1202-0

Враги сродни ветру в парусах судьбы. Именно враги вынуждают покинуть тихую гавань. Благодаря врагам люди взрослеют раньше срока, отказываются от привычной жизни, находят союзников и теряют надежду. Это книга о тех, кто бежал от своих врагов и лишился самой судьбы. И еще это история одного безумца, выбравшего себе безупречного врага, способного перевернуть привычный мир, лишая смысла древние пророчества и новые коварные замыслы.

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

ISBN 978-5-9922-1202-0

© Демченко О. Б., 2012
© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2012

• Последний
сирин •

ГЛАВА 1

Небывалое подкралось, прячась в сумерках тусклого предутра, пропитанного серым туманом. Селение просыпалось буднично, поскрипывало позвонками несмазанных дверей, зевало перекошенными ртами распахнутых сараев, выдыхало молочный пар ранней дойки. Пастух только-только выбрался за порог и побрел по улице, кутаясь в тонкий войлок, безразлично кивая закрытым и открытым калиткам и щурясь... Что за тени в тумане? Отчего ночная влага расслоилась и взволновалась, как прокисшее до срока молоко?

Пастух охнул, опасливо заспешил к ближайшей каменной ограде, щупая ее росистый бок. Мокрой дрожащей рукой умыл лицо, согнал остатки сна и затаился, забыв обо всем. У старенького храма в самой середине селения столбами вросли в твердь вытопанной земли изваяния, столь неподвижные, что людьми их назвать невозможно. Да и бывают ли они — такие-то люди? Огромные. Широкие. Все — воины и все особенной, легендарной храмовой «породы», будто и не люди они, а нечто иное, чудовищное! О подобных пастух слышал на торге, в большом нижнем городе. Но мало ли пьяных сплетен дрейфует в спертom воздухе портовых ориимов? Купцы и пение сирен слышали, и сиринов возили на своих лодках, и самому газуру жизнь спасали. Им верить — людей смешить!

Но небыль вдруг сама явилась жутковатым сном, не пожелавшим откочевать до рассвета в вышний океан помыслов, мечтаний и кошмаров. Пастух дрожал, словно овечий хвост, его ноги против воли медленно переступали, толкая вперед сопротивляющееся тело. Как не рассмотреть столь удивительное? Как решиться и потревожить любопытством безмерно опасное? Интерес боролся с осторожностью, и сухое горло хрипело

то ли несбывшимся визгом, то ли задушенным стоном. Еще шаг. И еще. И полшага.

Лакомка-ветерок слизнул густые сливки утреннего тумана. Самые рослые вершины обозначились вдали, заиграли розовым рассветным жемчугом.

Вытоптанная площадь у храма прорисовалась отчетливо, до самой малой мелочи. Все прибывшие были как на ладони: считай, удивляйся и жди худшего... Десять огромных воинов. Стоят возле храма полукругом, каменные лица ничего не отражают, и даже глаза не радуются первым признакам восхода. За широкими спинами — вот уж чудо из чудес — настоящий конь, зверюга еще более крупная, чем ввали пьяные купцы. Щерит пасть, клацает крупными желтыми зубами. Правда, пока что выдыхает пар, а вовсе не сказочный огонь. Зато ногами перебирает звонко, сердито. Неужто эти ноги железные? А седок-то у коня — жрец верхней ветви, хотя поверить в его появление тут сложнее, чем в коня, даже огнедышащего и полностью стального! И все же вот он, жрец. Уже ловко спрыгнул с высоченного коня и без страха умирляет чудище. Еще бы, вся сила храма за ним...

Пробудившиеся селяне, не смея вздохнуть, глазели на невидаль из теней закрытых циновками окон, из щелей сараев, из-за каменных хребтин заборов.

Жрец был неподобающе, как-то даже оскорбительно молод для своих богатых ярко-синих одежд с широкой белой каймой. Служитель верхней ветви храма всегда сед, согбен и стар, даже отчаянно лживые сплетники иного не скажут. Мыслимо ли хапнуть такую-то власть в раннем возрасте?

Люди с ужасом смотрели на чудовищных воинов, коня — бешеного зверя — и могущественного властителя. Никто не ждал добра от внезапного посещения. Разве такие гости являются без причин? И помнит ли хоть кто, чтобы неожиданное внимание сильных мира сего оказалось во благо? С вечера не было и намека на перемены, грозящие нищей горной долине. Закат отгорел ровно, не омраченный ни единой складочкой тревожного облака. Ни единый гость не явился неурочно, даже вездесущая глазастая детвора не заметила соглядатаев на тропях или в горах. Что вынудило владыку немалого числа островов тайно и спешно явиться сюда? Не проехать дорогой дальше, а спешиться и безразлично обводить взором окрестности? В горах

кое-как прокармливаются сами, а сверх того, напрягая все силы, едва исполняют назначенную газуром повинность: снабжают пропитанием работников ближайшей серебряной шахты. Приход храма невелик, люди долины помещаются в пяти десятках хибарок, разгороженных внутри на маленькие закуты. И то дома разделены на комнатки лишь у богатых, бедным на всю семью хватает четырех тонких глинобитных стен. С них и взять-то нечего... Но разве владыка явился бы, не вызвав заранее и безошибочно о том, что в ничтожной долине скрыта ценность, достойная его внимания?..

Изваяниями из камня замерли личные стражи жреца, наследники древней крови. Воинов опаснее и сильнее их нет на всем коралловом Древе. Отыскать хоть отзвук родственности великим бойцам прошлого, разбудить кровь и напоить ее силой — дело, доступное лишь избранным служителям верхней ветви храма. Легендарные бойцы тоже принадлежат храму, больше ни перед кем не отвечая, никому не подчиняясь. Вот сейчас бледный юноша с усталым лицом усмирит своего ужасного коня и в единый миг примет решение относительно долины и ее пока что живых обитателей. Прикажет, не тратя слов, одним мановением руки, и могучие стражи сокрушат селение, сгребут со скального основания, как ненужный сор. Не удастся даже спросить, в чем вина, можно ли откупиться и оправдаться...

Перепуганные жители вздохнули чуть свободнее, когда вдоль боковой стены покосившегося храма прошаркал деревенский служитель. Он замер на углу, шаря пальцами по косяку и слепо щурясь против света. Чуть постояв, старик поклонился до земли щуплому юнцу и захромал к нему, получив на то дозволение — безразличный, едва намеченный кивок. На ходу босой служитель растирал затекшую после сна ногу и на ощупь, неуверенными пальцами, вдевал в лямки волочащийся пояс. Мимо неподвижных воинов древней крови старик пройти не решился: снова поклонился, ожидая повторного дозволения говорить или приблизиться.

Пастух мешком сполз по стене и сник на подломившихся ногах, щупая траву. А вдруг все обойдется? Служитель — человек знакомый, понятный и способный отвести беду. В конце концов сам тут живет, прирос к долине-то. Небось пожалеет соседей, душой он добр, проповеди ведет мягко. Да и отношение к нему наилучшее... После таких мыслей пастуху стало как-то

особенно заметно: одежды жреца бедны, застираны так, что синий цвет угадывается лишь по привычке, заплаты кое-где выросли вторым слоем, а на локтях — так и третьим...

Храм — кривой и старый, совсем как его служитель. Зато ориим будто бы нарочито добротен, недавно выкрашен заново. Вон как он угрюмо растопырился двумя пристройками, аккурат напротив храма вырос, словно в насмешку выпялил на площадь бельма ровных окон с цветными циновками-ставнями...

За нарядной циновкой, бурой с синим, заслонившей ближнее к левой пристройке окно, стенал владелец заведения. Он всхлипывал и едва слышно, с истовым и не вполне трезвым привизгом, клялся себе самому, а заодно и всему миру, что к сезону дождей и никак не позже справит служителю новое одеяние и насыплет меди полной меркой, сдобрив подношение серебром. Иначе, какова бы ни была причина нынешнего визита высшего жреца, не миновать повторного внимания, опасного не вдвое против нынешнего, а втрое, впятеро! Вон как юноша в ярком одеянии хмурится, глядя на кривобокий храм! Того и гляди прямо теперь именем богини Сиирэл изберет для веры и служения новое вместилище. И ясно какое: здесь, в просторном орииме, приезжие и ночуют, и сделки заключают, и трапезничают. Стены добротные, циновки новые, дверь так вовсе из цельной доски. Роскошь!

— Ох горе, и зачем я циновки-то синим выкрасил против правил? — вслух зашептал сонный содержатель ориима. — Юго, кость ты гнилая, а ну, собери на поднос что следует! И зачем я второй-то ярус надстроил, не унялся? Ох, попутал глубинный враг... Как бы не заметил гость, что крыша у нас на палец повыше храмовой. Ох, беда. Глаза-то вон вылупил — чисто сквозь стену меня высматривает. А ну, неси кошель!

Ни звука в ответ, ни движения... Мужчина зло сплюнул, вновь пообещав себе посадить гнусного мальчишку под замок и уморить голодом, сполна воздав за свой страх. Сперва, само собой, неслуха нужно выпороть так, чтобы и не дергался. Теперь повод есть, причина же имелась и прежде. Вроде прижить-то недоноска не от кого было, а видно по всему: не родной! И повадка чужая, и кончики волос норовят червяками вывернуться, а не лежать прямо, как подобает. В довесок к прочим подозрительным чертам у наглеца быстрый вороватый взгляд, а это не идет на пользу орииму. Он же гниль, чужеродный, поэтому и

вред чинит. Нет бы в дом тащить все, что плохо лежит, как младший делает, — так он из дому выносит. Не иначе жена миловалась с кузнецом, тот из пришлых, ростом высок, курчав и мелкоглаз... Или на ярмарке кого приглядела? Недостойного полукровку, отпрыска какого-нибудь купца. Ведь повадились, предатели Древа, тащить незаконных жен с далекого севера, будто места на островах всем хватит.

Привычные мысли похмельно бродили в голове, пенились несвежей брагой новых страхов и подозрений, булькали изжогой раздражения, опасно бурлили подспудной злобой.

Едва слышно скрипнули петли люка в полу. А вот и жена, легка на помине, выбралась из подвала. Ворочается, словно брызгливое тесто, сопит, мелко икает и привычным жестом прогоняет мух, невидимых трезвым. Гулять была ловка, но и в деле хваткая, даже с похмелья: стукнула по столу доньшком непочатого кувшина браги, рядом уложила кошель, припасенный на случай внезапных бед. Мелкая медь зазвенела по ребрам плоской крупной серебряной монеты, сиротливо затесавшейся в нищее окружение.

— Хоть и гулявая ты, а не дура, — куда спокойнее признал хозяин ориима, ополовинив кувшин в несколько жадных глотков. — Серебро перепрятала?

— Ты кого учить вздумал? — презрительно зашипела жена, дергая из рук мужа кувшин. В свою очередь поправила здоровье, оставив на доньшке лишь неаппетитную муть, которую задумчиво изучила. — Еще мой дед держал тут дело, и был он полочее некоторых, принятых в дом из пустой доброты. Уж брагу мы прежде разбавляли толково и в меру, не лили себе в глотку до зари.

— Вот и не пила бы! А про доброту если... Тебе последние зубы опротивели? — Голос налился новой злобой. — Куда чужерода понесло? Вернется — забью, так и знай.

Женщина неопределенно фыркнула, выплеснула остатки браги на добытый из плетеного сундука парадный поднос, торопливо протерла его снятым грязным передником и завязала на поясе чистый. Придирчиво изучила мятую, иссеченную царапинами медь, плюнула на мутно-зеленое пятно, поскоблила ногтем: вдруг плесень? Исчерпав тем свое усердие, женщина ссыпала в довольно глубокий поднос фрукты, лепешки, орехи, поставила кувшин с кислым молоком и несколько плошек, вы-

долбленных из кожуры ореха. Покончив и с этим, хозяйка усердно приклеила кривоватую улыбку на заспанное лицо, растерла смятые похмельем щеки, словно пытаясь согнать складки, пригладила волосы, сунула мужу кошель, подхватила поднос и пошла к дверям, стараясь двигаться плавно и не раскачиваться на ходу. Вчера, в обычное свое ежегодное время, приехали богатые гости, газуровы закупщики рудничного серебра. Хозяев ориима по привычке позвали за стол. И до сих пор веселье гудело в голове, туманило взор, делало пол кривым и скользким.

Едва выбравшись за порог, хозяйка ориима забыла о гостях и похмелье. Одного взгляда в холодные усталые глаза высшего служителя хватило ей для полного прояснения сознания. Остро и болезненно подступило к горлу желание завывать, на всю округу оглашая в покаянии тайные и явные грехи, малые и самые тяжкие — любые, лишь бы обрести хоть толику надежды выжить, перетерпеть ужас тусклого всезнающего взгляда.

Тонкие губы жреца брезгливо дрогнули.

— Вот и явлен знак свыше, — с отчетливой издевкой отметил он. — Первыми в любом селении навстречу гостю открываются врата храма. Здесь отныне пребудет ветвь служения.

Женщина подавилась заготовленным приветствием и едва не упала, крепче вцепляясь в поднос и толкая медное блюдо вперед. Сама бы потом не смогла ответить, от пьяной неуклюжести или из неосознанного желания отомстить так ловко подвернулась нога. Кувшин покачнулся, угрожая запятнать кислым молоком безупречное одеяние высшего жреца...

Но ничего страшного не произошло. Звук подхватил женщину и удержал на ногах, как послушную куклу: сидящая у ног жреца сирена — только теперь и удалось рассмотреть хрупкую фигуру — напела, вгоняя в озноб и подчиняя своей воле каждое движение, то есть позаботилась о благе храма...

Старик, низший служитель, который год прозябающий в кривеньком строении, задохнулся от восторга и обернулся. Расправил плечи, подтягивая пояс и по-хозяйски изучая новые хоромы. Хоть и принадлежат они богине моря Сиирэл, а жить тут будет он, человек, к которому никто в деревне не испытывает подлинного почтения. Нет у него голоса, как у сирен, даже слабого, имеющего лишь вкрадчивую сладость, подчиняющую исподволь. Нет и властной жесткости служителя, уверенного в себе и своем праве. Вон юнец, добившийся права носить яркие

одежды, без яда и меда голоса обошелся, всего-то глянул мельком и согнул спины, вселил в каждого обитателя долины страх и уважение. Старик пожевал губами. Снова поклонился высшему жрецу, признавая: жизнь прожил как смог, остается и на ее закате довольствоваться малым. Говорить о богине и петь ей гимны, хлопотать и служить в дни общих праздников, а в прочее время кое-как перебиваться, ничем не отличаясь от иных селян. Возделывать огородик, красить стены ветхого храма, подмазывать глиной трещины, не надеясь возвести новый.

И вдруг — лучший дом во всей долине переходит в его распоряжение по первому слову высшего служителя. И без возражений!

— Высокая честь, — убито признала хозяйка ориима, в единый миг лишившаяся дома. С каким-то задушенным ужасом она осознала: темный взор сирены топит, не выпускает, тянет вглубь, безжалостно губит. Жизнь пора спасать, а не стены и достаток. — Покрасим заново сами, еще справим достойное одеяние славному жрецу, — просипела хозяйка, выторговывая себе право дышать. — Знак нам внятней дан, не оплошаем.

— Я вознесу мольбу, чтобы память у тебя не оскудела прежде, чем иссякнет моя, — дернул уголками губ молодой жрец. — Или все же прислать кого-нибудь глазастого после сезона дождей?

Он отвернулся и пошел прочь, не слушая ни заверений, ни воющих стонов. Рядом, отстав на полшага, семенил деревенский служитель низшей ветви, поспешно одергивая одежду, бесконечно кланяясь и благодаря. Он указывал рукой дорогу. Сирена, сидевшая в пыли у ног служителя, медленно встала, выпрямилась, кутаясь в черный кружевной платок, жадно сглотнула и поспешила за своим хозяином.

— Это же риил-араави, — охнул, наконец-то разобравшись в происходящем, бывший владелец лучшего в деревне дома. Ужаснулся и забормотал, не в силах молчать: — Хотя бы не тот, с жезлом, хотя бы его помощник... Быть не может: в нашу долину явился сам настоящий риил-араави, и сирена при нем... Мы чудом выжили. Славная Сиирэл милостива, пожертвование приняла малое, бескровное.

— С мерзавца Юго начисто шкуру спущу. А лучше продам косорокуго храму, хоть так возмещу убытки, — прошипела женщина, без сил опускаясь на колени, в пыль. Метко пнула мужа в

колени и засипела ядовитым шепотом: — Ну что встал? Я тайники опустошу. А ты нанимай людей, выноси вещи, пока и они не достались храму. Чужерод у тебя старший сынок, как же... Весь в папашу: горазд слюни пускать, а как дело делать, так нет его. С полуночи, вот так и знай, он на крыше сидел, бездельничал. Теперь-то уж забылся, седьмой сон досматривает — как всегда, про море. Брага ему, вишь ты, глаза разъедает. Не углядел беду, родную мать не предупредил. Все наше дело развеял прахом! Юго! Юго, косорукий, а ну, иди, хватит спать!

Юго не спал.

Вечер выдался многотрудный. В трех комнатах для гостей надо было выскрести полы, поменять циновки, перетряхнуть стеганки. Потом пришлось тушить с пряностями почти зрелые, уже пухлые стручки бобов, наспех месить и печь лепешки, без конца отвлекаясь, чтобы подать что-то новое на стол. А когда все в орииме — и хозяева, и гости, — забылись сном, Юго мыл посуду, приводил в порядок заляпанный брагой и грязью пол, скоблил доски столешниц...

Далеко за полночь, едва находя силы двигаться, он все же упрямо заполз на плоскую тонкую крышу второго яруса ориима, самую высокую в деревне. Такую высокую, что с нее можно было рассмотреть море. Точнее, Юго всякий раз старательно убеждал себя в том, что море прячется в темной безлунной дали за каменным боком гор. Представлял, что черная гладь колыхается призрачными бликами, хранит тепло угасшего дня, манит, дотягиваясь и за перевал туманами с запахом соли и рыбы. Чем еще может пахнуть море, Юго не знал. За всю жизнь он видел это чудо два раза, оказавшись на очень похожей крыше ориима в нижней долине, куда выбирался с отцом на большой торг.

Но если закрыть глаза, запретить себе чувствовать сладкий и мерзкий запах браги, перебивающий все иные ароматы долины... Если заткнуть уши, чтобы не слышать дружный храп гостей и сонное причмокивание хозяев ориима, до полуночи умудрившихся опустошить пять огромных кувшинов выпивки. Если...

Юго устало расслабился на крыше и улыбался, осторожно приоткрыв веки. Старое истертое серебро тонкой поздней луны оседало на горных пиках редкими брызгами бликов. Слабые пряди раннего тумана, растрепанные ветром, изогнулись по-

лотнищами парусов. Широкие глянцевые листья на общинном поле взблескивали рыбьими спинами. Два крошечных высоких пера облаков стали чайками, ищущими поживы. А сам Юго конечно же превратился в капитана большой торговой лодки.

Ветерок прошелестел, тронул волосы, и плавание началось. Юго мысленно скомандовал гребцам, затем проверил ветер и потребовал прибавить парусов. Похвалил расторопного рулевого, который верно и звучно отсчитывал ритм гребли и удерживал наилучший курс торгового пути на север. Впереди вздымались черные кручи, лодка смело стремилась в узкую щель меж опасных скал. Там наверняка поджидали пираты: ведь большая океанская лодка везет богатейший груз отборного жемчуга! Будет бой. Мальчик уверенно прищурился, погладил широкий нож...

И грустно вздохнул, помимо воли возвращаясь в свою серую сухопутную жизнь. Он никогда не видел моря по-настоящему, хотя, как и любой оримэо, обитатель кораллового Древа, он близок к большой воде. Океан повсюду вокруг, просто родной остров Тооди — один из величайших срединных в архипелаге, а долина расположена в самом его сердце, в горах...

Однако добрая богиня Сиирэл снисходительна к Юго. Пусть рядом нет ни океана, ни даже реки или широкого озера, лишь глубокие колодцы и говорливые ручейки, растрепанные на струи и брызги, не имеющие и пригоршни спокойной водной глади... Пусть так. Но изменчивое море живет и дышит во взгляде Элиис. Эта девчушка — единственное существо во всей деревне, достойное дружбы. Элиис никогда не дразнила сына ориимщика чужеродом, хотя обидное прозвище выкрикивают и шепчут в спину все, от несмышленишей до стариков. Едва ли не всякий житель долины должен отцу хотя бы медяк и отомстить пытается его нелюбимому сыну... В такой мести есть удовольствие, ведь угрозы со стороны двенадцатилетнего пацана — никакой. Повторяя ругательства родителей, в селении повадились громко звать Юго то тупым бараном, то лентяем, то косоруким уродом. И только Элиис, маленькая, часто мерзнувшая, вечно голодная, не повторяет чужих гадостей, зато понимает с полуслова самого Юго и охотно выслушивает. Она тоже мечтает о несбыточном — однажды увидеть море, спуститься к воде и уплыть по золотой дорожке рассвета в иной край, добрый и щедрый.

Юго вздохнул. Ну почему он до сих пор толком не объяснил Элиис, как важно таиться, прятать взгляд, с каждым сезоном дождей светлеющий и наполняющийся синью? И вообще надо носить широкую плетеную шляпу и глядеть в землю, пряча свои синие глаза за густыми ресницами... А еще следует пореже встречаться со старым служителем. Он подозрительно добр к нищей семье.

Еще хотя бы год переждать, перетерпеть, и можно будет сбегать из дома, чтобы попробовать наняться на торговую лодку. Элиис исполнится десять, а ему самому — тринадцать. Вдвоем не так страшно отрываться от привычного, от дома и долины, неласковой, но и не чужой... Элиис надежный человек, с ней можно начинать новый путь. Сперва по тропе за перевал, к берегу, а оттуда — куда угодно! Например, взять и уплыть далеко на север. Там, по слухам, есть большая земля, именуемая «материком». Такая огромная, что ее не пересечь за десять дней непрерывного бега. И, может быть, даже за двадцать. Сверх того люди шепчут: на севере нет служителей храма, как нет газура, его жадных зуров и дотошных уров, ничтожных, но кичащихся местом и близостью к тем, кто наделен властью. Вон хоть эти, гулявшие в орииме с вечера: ур нижней ветви и его слуги. Нос задирали, словно они газуру кровная родня, а сами-то... Штаны латаные, жемчуг в украшениях старый, мертвый. Да и брагу пили худшую, а хвалили так, будто что-то понимают в напитках...

Юго передернул плечами, невольно принюхался и подвинулся по крыше в сторонку, снова сполна ощутив мерзкую вонь, изгоняющую любые мечты. Пора уходить. Может, теперь самое время, опасно ждать целый год. Припрятанное серебро понятно где лежит. Забрать — да в порт. И непременно на север. На материке точно нет храма и никто не служит Сиирэл, а значит, там нет хитрых жрецов, готовых на все, чтобы заполучить синеглазого ребенка, в чьем взоре переливается море. Увы, на Древе с такими глазами спокойно жить нельзя. Едва ли не всякий знает: повзрослев, именно синеглазые дети порой получают самую крупную, редкую и ценную каплю дара морской богини Сиирэл. В их крови пробуждается чудо, наделяющее способностями сирина, повелителя вод.

Тень, мелькнувшая в густой ночи, сперва показалась Юго игрой воображения, как и ненастоящее море, что разлилось в

тумане посреди каменных гор. Однако пару мгновений спустя мальчик настороженно признал, что тень настоящая.

Внизу, возле крайних хижин, беззвучно и стремительно двигался некто очень большой и опасный. Чужак. Жители деревни не могут так ходить. Вот он пропал, снова показался на миг вдали, на фоне светлой стены.

Юго внимательно осмотрелся. С высокой крыши видно все селение и значительную часть долины. По каменной дороге от нижней развилки приближаются темные тени, их много. Торговцы ночами не ездят, на охоту в этот сезон никто не ходит, с рудников сбежать невозможно, к тому же ур знал бы о происшествии, он только что вернулся из шахты. Тогда кто крадется и по какой причине скрывает свое присутствие? Мальчик поешился от внезапной мысли. Спрыгнул вниз, пробежал по крыше первого яруса, соскользнул в непроглядную черноту внутреннего двора. Мимо скотных загоронок прокрался к дальней калитке, ведущей на общинные выгоны, припустил во весь дух по сухой короткой траве, вытопанной и редкой, до самой малой нитки выбранной овцами. Надо проверить. Сперва проверить, а потом успеть предупредить, если подозрение, не приведи богиня, верное.

Мальчик домчался до перегиба тропы, приник к камням и ящерицей взвился на гребень дозорной скалы. Притаился, унимая дыхание и осматривая долину. Вот они, гости. Прячутся в низине, дожидаясь высланных вперед соглядатаев. Юго прищурился, всмотрелся, сетуя на туман. Пряди кисейной сырости расплзлись, словно сгнили, и позволили увидеть, издали распознать на одеянии жреца белую кайму, ясным серебром взблескивающую даже ночью. Юго предполагал худшее и поэтому сразу догадался, что по тропе идет сам араави. Порой, думая об Элиис, он ждал и боялся появления именно такого гостя. Скатившись со скалы и ободрав руки, Юго снова побежал, проклиная себя за нерешительность и нерасторопность. Ведь знал, что синеглазые приметны. Не мог не отдавать себе отчета в том, что на Элиис могут донести, желая получить награду. Что вызовут самого опасного из жрецов, высшего. И станет поздно. Уже поздно! Он, лучший друг синеглазой, слишком долго ждал и слишком вяло мечтал, опасаясь неведомого за перевалом... Получается, он предал единственного родного человека, Элиис...

Мысль об угрозе, нависшей над ориимом, не колыхнулась

даже в глубине сознания. Да пусть хоть сгорит, хоть храму до-
станется, хоть рассыплется в пыль под гневными всполохами
молний! Не жаль.

Во-первых, у матери припрятано много серебра. Вполне до-
статочно для безбедной жизни. Во-вторых, ценность старой по-
стройки невелика. Чтобы возвести новую, надо всего-то при-
везти из нижних земель, с побережья, опорные столбы и доску
для двери. Прочее не будет стоить ни монетки. Жители деревни
поголовно в должниках у отца, содержателя ориима. Они и гли-
ны добудут наилучшей, и соломы нарежут, и основу сплетут из
тонкого прута, и замесят массу для обмазки стен. Впрочем, что
в тех взрослых заботах ему, «косорукому»? Сколько себя по-
мнит, никогда не считал этот дом родным. Отцу Юго не просто
не нужен — противен. Чужеродом кличет, то и дело норовит
уязвить или ударить.

Во всей деревне нашелся один настоящий надежный челове-
чек. И что? Не спас, не углядел, даже не объяснил толком, на-
сколько велика угроза. А теперь... Если бы у Элиис заподозри-
ли дар сирены, удалось бы ее спастись. Сирен ведь довольно
много, сам араави не пустится ради одной из них в дальний
путь. Опять же, каплю звенящего голоса вполне посильно из-
быть. Юго, наслушавшись рассказов торговцев с побережья,
полагал, что любой добросердечный оримэо, заметив в своем
ребенке признаки божьей капли, создающей из обычного чело-
века сирену, сделает все возможное, чтобы растворить зачатки
дара в хрипоте или немоте. Будет поить дитя холодной водой в
жару, держать в сыром подполе и морить голодом. Чахотка —
это еще не смерть. А даже если так, чем она хуже участи тех, кто
носит знак отречения? Много лучше!

Ведь сирены не просто служат храму — сирены ему принад-
лежат, в этом и заключается смысл отречения.

Но даже их доля ничто по сравнению с участью синеглазых.
О ней молчат торговцы, ее не ведают толком жители прибреж-
ных городов. Одно понятно: запрут в клетку. Объявят, что тем
самым посвящают богине и даруют великую милость, что по-
ступить иначе нельзя... Сирины, и только они противостоят
ужасу всемогущей Волны. Это не легенда, все знают, что Вол-
на — дело серьезное и настоящее. Угроза для каждого оримэо,
от последнего нищего до газура. Поэтому у сирина нет ни выбо-

ра, ни свободы... Кто знает, сохранят ли бедняжке Элиис хотя бы жизнь!

Юго мчался, шмыгая носом и глотая злые слезы обиды на мировую несправедливость и собственную нерасторопность. Надо было уходить сразу после прошлого сезона дождей, когда в дом Элиис зачастил старый жрец. Он повадился подолгу беседовать с девочкой, так красиво и образно рассказывая про богиню, ее деяния и великодушную милость к людям. Добрым прикидывался, даже оставил немного денег, чтобы нищие родичи не морили Элиис голодом и не обижали.

И вот итог. Сообщил ведь безжалостный скрипучий старик кому следует, и его тотчас услышали. Проверять сведения прибыл не абы кто, а сам араави. Тот, в чьих руках вся власть храма.

Юго бежал изо всех сил и с отчаянием понимал, что он едва ли успеет. Придется обогнуть главную улицу, там уже наверняка стражи в синих одеждах. Стучать в дверь, кричать или будить отца Элиис нельзя: не поймет, всех всполошит. Или, хуже того, старый пастух быстро припомнит, сколько платят кровной родне за синеглазых, если во взгляде обнаруживается не бесполезная примесь крови чужаков с далекого материка, а истинный отблеск живого моря. У Элиис именно второе, Юго уверен. Много раз смотрел в ее изменчивые глаза и не просто видел море, о котором мечтал всю сознательную жизнь, а слышал его! Плыл по волнам, ощущал их.

Оттого Юго громко, постоянно, на все лады повторял, что у дочки пастуха мама была из чужачек. Дед ее ходил на торговой лодке и привез жену с севера. Вот дурная северная кровь и скажется, кожу бледнит, того и гляди волос начнет завивать волнами, а то и роста добавит, совсем изуродует... Зря старался. Не помогли слова, не успокоили подозрительности старого жреца. Согбенного, бестолкового, мелочно-услужливого, склонного жаловаться на слабость глаз и боли в спине, совсем не усердного в служении, но, увы, далеко не слепого...

Задыхаясь и спотыкаясь, Юго прокрался через огородик, поддел циновку на низком оконце и юркнул в темный проем. Хорошо бы Элиис была здесь, в сараюхе при скотных загонах. Тогда еще есть небольшая надежда.

Юго кое-как уговорил покачнувшуюся рогатину не падать и не греметь. Пошарил в загонах, пугая крошечных курчавых яг-

нят. Пусто! Мальчик всхлипнул от огорчения. Значит, вчера Элиис занялась плетением циновок и осталась дома.

Пришлось снова красться через кустарник под самое окно, осторожно царапать некстати подвязанную на веревку циновку. «Не иначе как от воров», — обозлился Юго, перерезая надежный «запор» одним движением любимого широкого ножа.

— Что ты делаешь? — шепотом возмутилась Элиис, выныривая из душевой комнаты к окну. — Юго, разве можно так...

— Давай руку, бежим, — приказал мальчик. — Нет времени объяснять.

— Куда? — громко удивилась Элиис, упираясь одной рукой в подоконник и пытаясь выдернуть вторую из цепкого захвата пальцев приятеля. — Говори толком! Ты опять что-то натворил?

— За тобой пришли, — с отчаянием шепнул Юго, расслышав гул на улице. — Давай же, лезь скорее...

Элиис сдавленно пискнула: из сплошной тени за спиной Юго вырос огромный человечище и замер изваянием у самого окна. Мальчик, не оборачиваясь, обреченно вздохнул, сел, закрыл лицо ладонями и, кажется, всхлипнул. Элиис прежде не видела друга плачущим, и оттого ей стало вдвойне страшно. Впрочем, Юго сразу выпрямился, упрямо и безнадежно глянул снизу вверх на стража, плотнее сжал рукоять ножа, с которым был неразлучен. Воин древней крови усмехнулся и покачал головой. Неразличимым для глаза движением отнял оружие. Самого мальчика смял, как тряпичную куклу, и ловко сунул в густой кустарник. Элиис испуганно охнула.

В дверь жалкого крошечного домика уже стучали. Да так, что тонкие слабые стены дрожали и похрустывали. Рядом с воином храма, подошедшим к окну вплотную, возник второй, как две капли воды похожий на товарища.

Дверь хрустнула: стражи на своих плечах внесли ее в дом...

Жрец в ярком одеянии миновал порог, жестко поймал девочку за плечо и развернул к себе, внимательно глянул в глаза, победно улыбнулся. Затем склонился глубоко и почтительно.

— Вот мы и обрели счастье видеть вас, божественная, — прошелестел его тихий, уверенный, исполненный нескрываемого торжества голос.

В тесную комнату юркнул старый служитель, угодливо кивая и нашептывая что-то благодарно-невнятное. Затем силь-

ные руки втокнули пастуха, которого обнаружили на улице у забора и привели домой к нужному сроку.

— Ваша дочь родственна Сиирэл, — сухо отметил молодой жрец, сверху вниз глядя на пастуха, испуганно жмущегося к стене и не смеющего подняться с колен.

— Какая честь... — сдавленно охнул отец Элиис. Помятый, зевающий то ли со сна, то ли от испуга, вызванного присутствием столь высоких гостей, он снова замер с открытым ртом, едва выбравшись из своего угла.

Еще бы! Рассмотрел одяние с серебряной каймой, запоздало убедился, что не путает араави с кем-то менее грозным и властным. Подавился восславлением Сиирэл, рассмотрев и сирену, которая как раз теперь вошла и встала рядом со своим хозяином.

— Великая радость для всех нас, — ровным тоном ответил жрец, распуская завязки кошеля. — И благо для вас, достойный отец божественной. Три сезона долина не будет платить храму. А дому сему полагается воздать золотом за то, что взрастил и сберег в стенах своих столь дивное дитя. Укажи мне имя божественной.

— Элиис, — едва слышно шепнул пастух, не отрывая взгляда от монет, падающих на циновку одна за другой, сплошной струйкой непомерно огромного внезапного богатства...

Это ведь даже не серебро. Это чистое, без примеси, золото, безмерно редкое и ценное на островах. И оно все сыплется, звенит весело и зло, яркое, рыже-красное в лучах рассвета, прокравшихся в щель циновки и словно решивших проверить подлинность металла. Хотя один лишь цвет уже пьянит куда сильнее браги, туманя разум и обещая все новые чудеса. Пять сотен граонов, невысказанные деньги... Нелепые и невозможные здесь, на облезлой циновке, заменяющей и стол, и ковер, и постель.

— Собирайтесь, божественная Элиис, — снова поклонился жрец, отдавая дань уважения кровной родне богини. Однако восторженности в его поклоне не было. Он выпрямился и сухо добавил, делая знак воинам: — И постарайтесь, очень вас прошу, не вынуждать меня к непочтительности своей нерасторопностью.

В словах прозвучала едва уловимая насмешка: за спиной высшего служителя уже теснились конвоем два гиганта. Им араави тотчас, громко и внятно для всех, велел не спускаться с добычи

глаз. Сирена, повинуясь жесту хозяина, тоже шагнула к девочке, протянула худую темную руку...

— Если я божественная, — разозлилась Элиис, осознавая, что терять уже нечего и помощи ждать неоткуда, — все прочь! Выйду сама. И соберусь сама.

— Да будет так. Надеюсь, моя покладистость станет началом взаимно полезного общения, лишённого обид и предрассудков.

Араави жестом удалил из комнаты всех своих людей, а заодно и всхлипывающего над горкой золота пастуха, снова поклонился и последним вышел сам.

ГЛАВА 2

Элиис быстро бросила в корзину пару лепешек, наполнила водой маленькую флягу. Порылась в плетеном коробе, прихватила запасную рубаху, пару лент для волос, иные полезные мелочи. Госкливо глянула в окно, за которым по-прежнему неподвижно и нерушимо перегораживали путь к свободе двое стражей. Девочка вздохнула, вскинула легкий мешок на плечо и пошла к двери.

На пороге ее поджидала сирена. С презрительной усмешкой она, живая вещь араави, принадлежащая служителю более полно, чем раб — господину, ощупала одежду девочки. Удалила из ее волос острые костяные шпильки. Порылась в корзине. Сделала все спокойно, уверенно, привычно... Потому что и Элиис теперь тоже — вещь храма. Самая дорогая и потому тем более не принадлежащая себе...

Сирена положила руку на плечо Элиис и вытолкнула ее за порог, не ослабляя хватки, малозаметной для окружающих, но тем не менее грозящей появлением синяков. Проявляя неожиданную для столь хрупкого сложения силу, женщина повела добычу араави по улице. Впереди и с боков шагали огромные стражи, заслоня девочку от несуществующих угроз и приучая к мысли о том, что побег невозможен.

Когда родное селение осталось позади и тропа изогнулась, прячась в лощину и затем выныривая на крутой подъем, чтобы начать карабкаться к перевалу, араави указал девочке на закрытые носилки.

— Привыкай, все сирины рождены для клеток, — сухо усмех-

нулся араави и не замедлил пояснить свои слова, смягчая их грубость: — Вас в храме кормят досыта, учат, одевают, как самых знатных таори, ни в чем допустимом не отказывают. Только не проси о свободе. Кстати, мое имя Эрай, я происхожу из семьи Граат. Если тебе что-то понадобится, скажи.

— У вас я ничего не попрошу, — пообещала Элиис и отвернулась. Вот еще! Вздумал вежливостью ее удивить. Свой род назвал, как самому близкому другу. А разве он — друг?

— Ладно, хорошо уже то, что не молчишь, — легко согласился араави. — Получишь непростеное. Детям легко угодить. У тебя на лице написаны все мечтания, а я умею читать. Давай проверим? Сейчас тебе интересно, что за люди мои стражи, отчего они так огромны и тяжело ли им нести твои носилки. Еще ты хочешь знать, куда мы идем и что будет дальше. Я расскажу. Но разве только это интересно? Ты любознательна, а храм владеет книгами. Я приглашу учителей. Выбирай: грамота, пение, танцы, искусство беседы. — Он снова усмехнулся упрямому ответному молчанию. — Я вижу, что ты выбрала. И лучше тебе заговорить, могу ведь предложить и разведение лотосов или плетение кружева. А хуже того — боевые навыки, которые тебе совершенно противны...

— Отчего же, — задумчиво улыбнулась девочка, глядя на кинжал одного из стражей.

— Вот ты и заговорила вновь, — спокойно отметил жрец. — И, как все упрямыцы, без пользы для себя. Попытаться одолеть стража — безумие. Да и мое горло для тебя недостижимая мечта, меня тоже учили бою, а я усердный.

— Сколько тебе лет? — невежливо спросила Элиис, делая ударение на этом недопустимом «тебе» вместо «вам».

— Двадцать четыре, — удивился вопросу Эрай.

— Усердный, точно, — рассмеялась Элиис, чтобы не заплакать. Горло перехватило болью. — Ты самый молодой старичок из всех, каких я видела. Веки в сеточку, глазки блеклые, со слепым прищуром. Акула сушеная!

Она юркнула в носилки и задернула внутреннюю занавеску за тонкой, узорной медной решеткой оконца. В тесной клетке стало темно. А снаружи — тихо. Пол дрогнул и поплыл, когда стражи подхватили ношу и двинулись в путь. Некоторое время араави обдумывал услышанное. «Может быть, — так надеялась Элиис, растирая по щекам непростеные слезы, — жрец даже

злится или обижается». Вряд ли его прежде дразнили при всех сушеной акулой, к тому же безнаказанно! Захотелось подсмотреть в щелочку: может, лицо араави перекошилось от злости? Вот было бы зрелище...

Жрец вздохнул и принялся совершенно спокойным, доброжелательным тоном рассказывать о своих стражах и дороге, о храме, о служении и законах. О крепости сирина, где Элиис предстоит провести всю жизнь. Девочка слушала и иногда перебивала араави. В «божественности» есть своя прелесть. Можно говорить что угодно и не бояться отповеди! В нижнем селении, куда однажды Юго взял приятельницу в большой торговый день, жрецов, охотящихся за сиренами, считали дурными людьми. Друг тоже полагал, что в них таится зло. И он знал много слов, красочно описывающих это зло. Дорога оказалась долгой, так что Элиис припомнила их все. Ее душе было больно и мучительно здесь, в клетке. Телу доставалось не меньше... За занавесками к полудню сделалось невыносимо душно и жарко, маленькая фляга опустела в несколько глотков, и теперь мучительно хотелось пить. Ноги затекли, неубранные с утра волосы сбились в комок.

А насмешник араави шел рядом с носилками и рассказывал о том, как хорош день, если раздвинуть шторы. И еще добавлял, что у него есть фляга с холодной, свежей водой. Пил, звучно глотая. Умывался и брызгал на занавеску. Предлагал всего лишь дать честное слово не пытаться сбежать теперь, на пути к морю. Клялся именем Сиирэл, что сразу поверит и позволит идти рядом, пешком. Ведь нехорошо и нечестно заставлять людей тащить тяжеленные носилки по горной дороге. Даже он, акула сушеная, людоед и детоубийца, к своим стражам куда добрее...

Послеполуденная густая жара мутила сознание и путала мысли. Элиис казалось, день никогда не закончится. Удушающе знойный, гнусный и мерзкий, он был наполнен монотонным покачиванием носилок, толкающих тело то вправо, то влево. К горлу подкатывал комок голодной тошноты, обдающей рот желчью...

Когда носилки замерли, Элиис этого не заметила. Она пришла в себя, уже сидя на богатой цветной циновке, под расшитым пологом, создающим тень. Ненавистный жрец поддержи-

вал под спину, бережно протирал лицо и шею влажной прохладной тканью и, похоже, всерьез переживал.

— Элиис, не надо так отчаянно отрицать свою судьбу, — тихо и вкрадчиво попросил араави. — Я отнюдь не так ужасен и зол, как можно прочесть в твоём взгляде. Пойми: принадлежность храму — для тебя единственная защита.

— От чего и от кого? — Голос предательски дрогнул, выдавая слабость.

— Да хотя бы от газура и его вауров, — отозвался жрец. — Я доставлю тебя на остров Гоотро, в крепость. Там красиво и просторно. Я всего лишь предложу тебе именем Сиирэл и волей храма исполнить древнее предназначение сиринов: участвовать в спасении нашего Древа и всех его жителей от очередной Волны. Это долг, но ведь и честь тоже. Я служу Древу и жизни... Газур иной, он сделает тебя оружием и вынудит причинять смерть и разрушение.

— Я откажусь, — уперлась Элиис.

— Тебе девять лет. В твоём возрасте рано узнавать правила жизни взрослого мира. Это больно. Но ты сирин. Придется быстро взрослеть под моей опекой или при ином наставнике. — Улыбка араави оказалась бледной и лишенной радости. — Думаешь, моя сирена хочет мне служить? Однако два дня назад она по моему приказу обольстила голосом посланника ваура. Убедила его, что в ничтожной долине не стоит искать обладателей божьей капли. Выведала, что свиток зуру этого острова отослал содержатель ориима, подробно описав все приметы и даже приложив рисунок твоего лица, заказанный в сезон дождей у даровитого переписчика рудникового ура. Знаешь, почему моя сирена так старалась?

— Ты строго приказал ей именем богини, — предположила Элиис после короткого раздумья.

— Лоота, сядь сюда, — подозвал сирену жрец.

Смуглая невысокая женщина покорно устроилась на краю циновки, низко и старательно поклонившись хозяину. Опустила голову, глядя в землю. Довольно молодая, может быть, чуть старше тридцати, красивая, сильная — и вся какая-то сломленная, погасшая. Руки едва приметно вздрагивают. Пальцы жадно щупают циновку. Голова то и дело дергается, когда сирена сглатывает. А потом язык облизывают сухие потрескавшиеся губы.

— Ты не даешь ей пить днем? — ужаснулась Элиис. — Так же, как и мне?

— Ей не вода нужна, — грустно отозвался жрец. — Даже храм опасается силы голоса сирен. Тех, кто не служит осознанно, приучают к соку цветка ош. Я полагаю, это способ решить сложный вопрос подчинения мерзким и неверным хозяевам. Но кто я такой, чтобы указывать самому владыке кораллового посоха Роолу...

Сирена оживилась, услышав про цветок, жалобно глянула на жреца и склонилась ниже, касаясь его колена лбом. Прошептала «пожалуйста» и снова жадно сглотнула, пробуя щекой тереться о колено и сдавленно, жалко постанывать и сплетать свои пальцы с рукой араави...

— Лоота, я ведь говорил тебе много раз, как это вредно, — укорил сирену жрец, отталкивая ее и убирая руку. — Я всеми силами убеждал тебя бороться с привычкой и хотя бы попытаться освободиться от нее. Ты еще молода, у тебя крепкое здоровье, есть надежда...

— Пожалуйста... умоляю!

На сей раз голос прозвенел тепло и доверительно. Женщина скользнула чуть в сторону, искоса глянула на араави, стяхнула с плеч платок и осторожно тронула колени жреца обеими руками, поправляя складки его одеяния. Темные глубокие глаза Лоты всмотрелись в жреца, а затем обратились к Элиис. Губы приоткрылись, дополняя просьбу едва различимым звуком. От него по спине поползли холодные капли пота, тошнота снова подкатила к самому горлу, в глазах потемнело. Исполнить желание сирены стало казаться девочке очень важным делом. Самым главным в жизни!

Араави толкнул голову сирены вниз, безжалостно вмяная лицо в циновку. Жестом подозвал стража:

— Связать, рот заткнуть, чтобы не искушала голосом. Рядом есть ручей? — Араави дождался кивка и недовольно нахмурился. — Тогда как обычно, в воду ее. Замерзнет — придет в себя, так что тащить на берег не спешите. Опять же, как я читал в книгах храмовых лекарей, вода помогает отвыкать.

— Ты издеваешься над ней, — ужаснулась Элиис.

— Год назад я стал не просто риил-араави, держателем ветви служения на одном из срединных островов, а владыкой перламутрового жезла запада, — сухо сообщил жрец. Он заметил, как

Элиис обшаривает взглядом его руки и пояс. Жезла там не было. — Конечно, я не ношу знак власти в руках. К чему мне это? Привлекать лишнее внимание и оповещать врагов о своем присутствии? Тем более здесь, на Тооди, весьма далеко от островов запада, где я держу ветвь храма.

— Вот и сидел бы на своих островах, — буркнула Элиис, пряча любопытство.

— Я прибыл сюда по воле самого кораллового владыки Роола. Сейчас он благоволит мне. Он оказал мне честь и посчитал, что я достаточно быстро исполняю сложные приказы, чтобы быть в силах опередить иных. Он прав, ведь ты находишься в этих носилках, а вовсе не в той клетке, какую приготовил ваур, заинтересованный в тебе. Итак, могу ли я продолжить рассказ, о божественная?

Элиис поежилась: хитрый араави умудрился втянуть ее в разговор, сумел заинтересовать и даже, кажется, очаровать, не используя особенного, данного лишь сиренам голоса. Ловок! Так внимательно слушает, так вежлив. Прежде никто из старших не уделял девочке искреннего внимания и не беседовал с ней на равных. Как не ответить? Поколебавшись, Элиис почти решила снова перейти на «вы» в обращении, ведь каждое «ты» жжет уши стыдом и першит в горле — недопустимо грубить араави! Но, едва открыв рот, она упрямо сказала то, что сказала:

— Да, конечно, я позволяю. Ты говорил про Лооту.

— Я получил сирену Лооту в свою личную охрану вместе с властью и перламутровым жезлом. Это был спорный по своей полезности довесок... Тогда сирена нуждалась в соке цветка ош самое малое четыре раза в день. Лоота плохо помнила свое имя, зато готова была по первому слову убить и умереть... Не получив ош, она кричала и билась, испытывая мучительную боль. — Араави нахмурился, повел плечами и глянул на Элиис то ли с насмешкой, то ли с пренебрежением, поди пойми его гримасу... — А ты говоришь — не стану оружием, я сильная и не склоню головы. Прежний араави запада дарил Лооту наиболее удобным зурам городов в дни больших праздников. Сирена танцевала для них. Пела, вплетая дар убеждения в музыку. Говорят, лишь песни медоточивых дают наслаждениям полноту. Еще она голосом лишала слуг и гостей, неугодных зуру, разума и даже жизни.

— Юго был прав, — мрачно отметила Элиис. — Все жрецы — людоеды.

— Юго, похоже, лучше тебя разбирается во взрослой жизни Древа. Но я поправлю его слова в одном. Не только мы плохи, — без радости сказал араави, не оспаривая самого обидного замечания. — Для сирина хороших хозяев, девочка, вовсе нет, ни здесь, ни где-либо еще в мире. Так что давай не создавать друг другу осложнений. Я обязан показать тебя единому владыке, держателю кораллового посоха. Роол стар и склонен к применению жестких методов воспитания в отношении тех, кто наделен каплей божьей. Он, скажу тебе по секрету, боится вас до потной спины. И значит, он желает, чтобы вы потели и дрожали еще сильнее — от одного звучания его имени.

— Не пугай меня, сушенная акула.

— Кажется, уже напугал... Прости, — усмехнулся жрец. — Я, Эраи Граат, готов поклясться именем Сиирэл, что не обижу тебя, не накажу без веского повода и никогда не стану приучать к соку ош. За прочих жрецов и тем более араави я, увы, не поручусь. Не позволяй своему упрямству разрушить лучший из путей судьбы. Я хочу привезти тебя к коралловому владыке здоровой, сытой, красиво одетой, спокойной. Послушной хотя бы внешне... Зови меня сушеной акулой и людоедом, не стану возражать. Но поклонись ему и признай себя сирином храма, чтобы не превратиться через несколько лет в такую вот Лооту.

— Пока что я пообещаю именем Сиирэл, что рано или поздно сбегу, — с веселым отчаянием завершила Элиис. — От тебя и от всех твоих наставников.

— Хорошо, — устало прикрыл веки жрец. — Только сперва поклонись владыке и этим дай самой себе время на подготовку побега. Ладно?

— Я подумаю.

Эраи Граат кивнул и сделал жест стражам, предлагая подавать обед. Девочка ела охотно, вполне довольная своим непобедимым и ненаказуемым упрямством. Жрец заинтересованно поглядывал на нее и улыбался уголками губ. Сушенная акула! Хорошее определение, весьма точное. Рядом с Элиис он как-то впервые задумался об утраченном и, к сожалению, невозвратном.

Семнадцать лет назад ему было семь, и он сам пил ледяную воду, чтобы погас голос, наделенный силой убеждения. Он

справился с тем делом, как с любимым иным, которое считал важным. Жалкие остатки дара, именуемого в больших городах проклятием, не показались храму настолько ценными, чтобы признать хрипло кашляющего заморыша сиреной. Никто не выделил серебра родителям, никто не надел на тощую шею золотой знак витой раковины и не начал дрессировать новую вещь храма. Насколько знал повзрослевший Эраи, жизнь в крепости, куда свозят молодых сладкоголосых, трудно назвать воспитанием... Он не желал иметь хозяев и служить чужой воле. Он своего добился.

Уже тогда, в раннем детстве, Эраи осознал наитием и рассудком ничтожность, а вернее, ущербность роли медоточивых. Он жаждал большего. Природа не наделила нищего заморыша силой мышц и непобедимостью боевого духа воинов древней крови. Родители не обеспечили сына неотъемлемой знатностью происхождения. Каплю божью он извел сам. Что осталось? Ум и усердие. Такт и ловкость. Бесконечное трудолюбие. Он поставил цель и шел к ней, лишив себя всего, что было и еще есть у Элиис. Детства, друзей, беззаботности...

Ему исполнилось восемь, когда он, сосредоточенный и серьезный мальчик из небогатой семьи Граат, пришел в храм и попросил о возможности служить в нижней ветви. Он явился к воротам из путаницы тесных гнилых улочек пригорода, куда ночами не решались сунуться воины ваура. Он выжил там и заранее выучил нечто важное для избранного пути. Досконально знал все церемонии, владел даже малоиспользуемыми диалектами окраинных островов, писал без помарок на современном и древнем, почерк был великолепным и ровным... Его сочли ценным и приняли, даже выплатили семье серебром за утрату наследника.

Эраи быстро освоился в храме и научился понимать, какие качества замечают и относят к достижениям. В десять он перешел во вторую ветвь, в четырнадцать стал ею управлять, ради нового шага по лестнице власти безропотно перебравшись на крохотный островок в западной части Древа. Туда, в нищее захолустье, не пожелали плыть более взрослые и менее расчетливые. Он трудился неустанно, укрепляя малый храм. И был замечен. К шестнадцати поднялся еще выше, войдя в число немногих избранных. Его уже почтительно называли «энэи Граат», ему кланялись, со смесью удивления и небрежности

окидывая взглядом худую фигурку недоросля. Небрежности становилось все меньше, зато опасливое удивление росло. Сперва преемник первого жреца острова, затем избранный последователь самого риил-араави и чуть позже — наследник перламутра запада, кто же мог такое предположить? Только он сам, выбравший для высшего служения остров и храм, где владыка был самым пожилым из всех прочих.

Право именоваться риил-араави перешло к юноше в двадцать один, едва он достиг второго возраста взрослости, позволяющего принять столь высокое звание и немалую ответственность. Два года спустя он уже получил и перламутровый жезл силы. С должным смирением возблагодарил богиню и ее служителей. А как иначе? Он знал, что теперь надо придержать свою неуемную жажду власти. Нельзя показывать, что ты мечтаешь как можно скорее добраться до цели! Нельзя даже дать намек, что есть столь опасная цель. Надо сидеть по возможности тихо и копить силы. Искать союзников и по крупице собирать влияние. И он кланялся, источая мед не хуже сирен, улыбался, был полезным и демонстрировал кротость. Но внутренне ничуть не изменил своего намерения стать коралловым владыкой, главой храма, самым свободным и влиятельным человеком Древа. Владыке, ему одному и никому более, даже сам повелитель Древа, его великолепие газур не указ. Владыка и иные служители высшего ранга — единственные, кто по-настоящему наделен знаниями, памятью, опытом. Если решиться хотя бы мысленно высказать правду, то придется признать, что именно владыка повелевает островами. Тихо, негласно и очень надежно.

Он близок к цели. Так почему сегодня изводит время без пользы, остановив движение отряда и разговаривая с упрямым ребенком? Почему отослал коня вперед и шагает пешком, сбивая ноги?

Сирин — не человек и не собеседник, но всего лишь ключ к воротам столичного храма. Так он сам говорил себе не раз. И это правда...

— Скажи мне, у тебя остались там, в деревне, друзья? — продолжил делать глупости араави.

— Не знаю, — до слез расстроилась девочка. — Может, да. А может, уже и нет... Твои стражи, наверное, совсем погубили Юго.

— Мои стражи, уж поверь не мне, так хотя бы им, редко обижают детей. У меня с воинами древней крови очень доверительные отношения, мы почти друзья, — убедительно произнес Эрай. — Скорее всего, они были несколько грубоваты с твоим приятелем, поскольку опасались усердия Лооты, которая весьма давно не получала сок ош и оттого стала очень опасной. Раз судьба друга беспокоит тебя, давай все выясним о нем. Кто из моих воинов видел мальчика по имени Юго?

— Не знаю, — растерялась Элиис. Даже виновато пожала плечами и зашептала: — Они так похожи... Я сперва решила, что они вовсе не живые. Каменные, двигаются одной только силой голоса сирены. Так купцы иногда говорили.

— Купцам трудно верить, у них вся жизнь — торг, а первейшее их оружие — лукавство... Не могут сирены оживлять камень. — Араави нагнулся к самому уху Элиис: — Честно. Я скажу тебе больше: самые сильные из сирен все равно не умеют навязывать свою волю тем, кто крепок душой и стоек в убеждениях.

— Людоедам, — уперлась Элиис, отодвигаясь.

— Тебе, — подмигнул араави. — Ты не утратила контроль над собой, попав под влияние голоса Лооты. Кстати, тем самым подтвердила, что являешься сирином.

— Как это? — удивилась Элиис.

— Сиринов зовут старшими детьми богини, — улыбнулся араави. — Разве ты не слышала легенду о детях Сиирэл?

Элиис покачала головой, сосредоточенно обгладывая косточку. «Еды на выставленных на циновке подносах много, но привычка прежней голодной жизни не уйдет за один день», — подумал араави. И еще раз отметил, что его путь избран верно. Острова кораллового Древа нуждаются в переменах. Он оплатит посох из красного, как кровь, коралла, доставив в храм на Гоотро этого ребенка. Обязательно убедит девочку хотя бы казаться покорной. Она мила, неглупа и обладает, сразу видно, ярким и могучим даром. Море в ее взоре живет даже здесь, на горном перевале, вдали от берега. Владыка будет доволен.

Араави подозвал старшего стража и велел уточнить, кто стоял под окнами родного дома божественной. Через несколько мгновений двое огромных воинов, схожих, как капли дождя, подошли и с поклоном замерли в шаге от обеденной циновки. Оба возвышались над слугами: они были самое малое на голову

выше любого иного жителя островов. Воины выслушали вопрос и обстоятельно изложили известное им.

— Мальчик цел, очнулся быстро, — хором сообщили они. — Когда божественная покидала дом, ее приятель уже сидел под самым окном и плакал. Потом получил свой нож и убежал.

Элиис кивнула, обрадовалась и старательно скрыла свою радость. Благодарить вслух «сушеную акулу» она не стала. Но, подумав, согласилась съесть предложенный араави сыр. И слушала легенду о богине охотно, заинтересованно.

— В незапамятные времена, когда острова кораллового Древа были молоды и дики, — начал рассказ Эрай Граат, — они уже знали ярость океана, но не имели от нее защиты. Каждое поколение людей готовилось к концу мира, именуемому исчерпанием суши. Ужасный день не был далек и маловероятен, он приходил совсем по-настоящему и неизменно собирал кровавый и страшный урожай жизней в заранее известный срок. Раз в полвека гигантская Волна вставала на юго-западе, катилась, с ревом перемахивала через низкие барьерные рифы возле кроны Древа, одним движением глотала область побережья всего огромного полукружия внешних больших островов, накрывала плодородные земли, оставляя морскую пену даже на самых высоких горных кручах, и, не насытившись, мчалась на север, не ослабляя натиска и не теряя высоты. Лишь в малом числе относительно безопасных пещер северного склона высочайших гор прятались уцелевшие люди, те немногие, кто успевал добраться до надежного убежища. Несчастные дрожали, теснились, жалкие и мокрые, слушали рев одичавшего моря. А потом вслушивались в долгожданную тишину, которая разрешает выйти на свет и жить еще пять десятков лет в относительном покое. Хотя что это за покой? Когда смолкал грохочущий гнев океана, невозможно было смотреть без слез на пустую мертвую землю, с которой за считанные минуты великая Волна стерла людей, дома, поля, тропы, лодки, сети...

— Каждые полвека? — тихо уточнила Элиис.

— Да. И всякий раз нашим предкам-оримэо приходилось начинать все заново: собирать обломки, жить скудными припасами, надеяться на милость природы, умолять Сиирэл о богатом улове и молиться ей же, убеждая ниспослать дожди в срок и затем дать щедрый урожай первого года. Иначе — голод, который не менее смертоносен, чем Волна.

— Безнадежно получается, — нехотя признала Элиис.

— Так было, пока однажды богиня моря Сиирэл не полюбила юношу из рыбацкой деревеньки. Он был силен и смел, его сеть всегда добывала богатый улов. Еще он был добр и не брал лишнего у моря, а добытым делился с соседями. Вдобавок к сказанному, как утверждает легенда, и разве можно ждать иного — юноша был красив. Неведомо даже сказителям, что тронуло сердце вечно живущей и капризной, как бескрайнее море, богини, но она полюбила и стала часто навещать острова. Вот только в очередное свое посещение Сиирэл не застала того, к кому стремилась всей душой. Волна подстерегла лодку отважного рыболова у самого берега и разбила в щепы.

— Так богиня же всемогуща, — укоризненно подсказала Элиис хороший конец истории. — Она могла и воскресить себе мужа, правда?

— Увы, она даже не нашла его тела в полосе усталого прибоя, перемывающего обломки утраченной жизни... Акулы пришли к берегу раньше — так бывает, маленькая Элиис. Акулы пиروвали, им и богиня не указ. Поплатились злодейки тем, что были лишены права жить, как иные рыбы. Пока они работают хвостом — плывут и живут, но всякая остановка топит акул, нет для них, людоедов, благословения моря, — пояснил араави, убирая сыр и наливая воду во флягу Элиис. — Долго плакала Сиирэл, роняя жемчужины слез. И, безутешная, позволила своим детям остаться жить на берегу людей, чтобы никому больше не пришлось терять любимых. Сына ее звали Сирин, и он был похож на отца, смелым и сильным. От матери получил ее синие глаза неба, взирающего на океан. Сирин умел понимать и чувствовать море, даже спорить с ним и обуздывать безумие штормов. Он и его потомки никогда более не позволяли Волне разрушать сушу, вовремя высматривали и успокаивали ее, используя свою могучую силу, влитую в их кровь с каплей божественного родства, — понятную океану речь.

Араави усмехнулся и замолчал. Вечер задергивал полог сумерек, прятал горы в туманной дымке. Звуки обретали гулкость эха, близкого и чуть глуховатого... Сказка о Сиирэл хороша для такого времени суток. Вдвойне она удобна в разговоре с детьми. А самому во что верить? В любвеобильную и неуравновешенную богиню, в ее бестолковых детей? Вроде бы смешно и

нелепо... Но Волна есть. И дар сирен, и божественная, обреченная и трагическая способность сиринов, тоже есть...

— Дочь богини моря, Сирена, унаследовала красоту матери, — вздрогнув и выйдя из задумчивости, продолжил Эраи. — Получила она и голос матери, сладкий, как мед, и чистый, как рассветная роса. Внимающие верили каждому слову и забывали свои печали. Позже сиренами и сиринами в равной степени становились и мальчики, и девочки, капля божья, малая толика души моря, не выбирала в сирины только мужчин и не предпочитала особо женщин в качестве сирен. Никто не знал, когда и как проникает в кровь человека капля божья. Может, проливается с дождем? А может, ее выпивают из горных ручьев, звенящих смехом... Но дар всегда проявлялся постепенно, и даже самые опытные жрецы храма не могли уверенно опознать в ребенке ценные задатки и понять их силу ранее, чем он достигал возраста шести-восьми лет. — Эраи осторожно улыбнулся и завершил рассказ должным образом: — Сирен и сиринов со временем стало довольно много, и острова зажили счастливо, забыв об ужасах разрушающей Волны.

Изложив эту полуправду, араави смолк. Продолжение легенды он оставил невысказанным. Зачем прежде срока портить ребенку сказку? Ведь вторая часть истории, в отличие от первой, вполне правдива. Ее подтверждают книги храма, хранящие записи за много лет и даже веков.

Сирен стало много... именно так! Люди, наделенные каплей божьей, — всего лишь люди, и они по-разному толковали и использовали чудо, дарованное богиней. Исходно капли дара предназначались для общего блага. Но доставались-то они избранным. Детям, которые вырастали и выбирали свое место в жизни островов. А с ним — и размер благодарности всего архипелага кораллового Древа за право прикоснуться к полезному дару. Сирены сочли себя полубогами и неровней прочим людям.

Одни медоточивые пожелали великой власти, иные упивались силой, карающей неугодных, а кое-кто уходил прочь от людей, мечтая о покое. Сиирэл, как гласит легенда, смотрела и плакала, не в силах изменить однажды созданного. Разве можно лишить людей защиты? И стоит ли к тому же управлять ими, отнимая еще и свободу выбора пути? Ведь, как бы ни ошибались потомки ее детей, сирины и сирены, но благодаря им мир

кораллового Древа жил, снова и снова избегая ужаса встречи с губительной Волной...

Красивая легенда. Эраи Граат чуть насмешливо покривил губы. Сказители умеют вкладывать живую душу в простые и довольно грязные истории. Существовала ли богиня, снисходила ли до смертного и оплакивала ли его? Судя по обилию жемчуга в прибрежных водах, нет конца ее печали. Так говорит и храм, и он сам, жрец верхней ветви, голос богов. Но говорить и верить — это не одно и то же.

— Зачем же запирать сиринов и поить сирен соком ош? — резонно удивилась Элиис, не дождавшись новых слов и изнывая от молчания, висящего в воздухе, удушающе-мучительном после волшебства сказки, незавершенной и весьма далекой от нынешних дней.

— Основа силы перламутровых жезлов — именно сирены. Их сила, влитая в золотую оправу древними... Увы, мы многое утратили и новых жезлов создавать не умеем, — тихо молвил Эраи. — Это великая тайна храма, и я прошу тебя не делиться ею ни с кем.

Элиис удивленно нахмурилась. Заглянула в тусклые утомленные глаза араави. Высмотрела там нечто — и серьезно кивнула.

— Голоса поющих полны очарования, неодолимого для простых людей и опасного для правителей. Отлично известно и до сих пор памятно, что три сотни лет назад сирены подняли бунт против храма, нашептав капитанам флота слова о мести. Они хотели не свободы — они хотели куда большего. Власти, полного подчинения всего Древа. Ведь голос позволяет управлять почти что каждым и отдавать приказы, не вызывающие сомнения. Пять крупных и десятки островов помельче сдались очарованию меда их речей и познали безжалостное правление сирен, не сдерживаемых более жестоким храмом. Стирание личности, труд до полного изнеможения, нищета, кровавое подавление малейшего проявления самостоятельности — сопутствующие признаки этого правления.

— Как страшно, — поежилась Элиис.

— Тут ты права, было тяжело... Всем стало страшно. Из страха и произрастает жестокость. С тех пор сирен выискивают еще детьми, пока они слабы. Их ломают и укрощают. Храм сперва придумал браслеты, позволяющие всегда знать местонахождение

ние сладкоголосых и ограничивать их передвижение одним островом, а то и городом. Мы не умеем делать браслеты, это знание утрачено. Позже придумали иное средство, стали использовать ошейники, сокращающие воздействие голоса до нескольких десятков локтей. А теперь вот — цветок ош и клятву...

— Но у меня нет голоса, обманывающего и подчиняющего, — заверила Элиис. — За что меня — в клетку?

— Это тоже тайна, — вздохнул араави.

— Я больше не стану звать тебя людоедом, — вступила в торг Элиис. — Расскажи. Честно, никому и слова не передам!

— Верю. — Араави улыбнулся: вот и дало трещину детское упрямство! — Сирины не поддаются влиянию и управлению. А еще подобных тебе всегда рождалось слишком мало. Чтобы Волна не прорвалась к берегу, надо защитить сушу. С такой целью и выстроены башни на юго-западных и южных островах кроны Древа, корни которого ориентированы на север, а малые острова-ветви тянутся на три стороны света, формируя полукруг кроны. Сирины должны жить хотя бы в двенадцати башнях, иначе никто не может быть уверен в безопасности побережья. Храм опасается, что вы не останетесь в башнях по доброй воле.

— Это и есть тайна?

— Часть ее. — Эраи нахмурился, обдумывая правильность продолжения беседы. — Ладно! Вот тебе вся тайна.

Теперь араави склонился действительно к самому уху и выдохнул слова на редкость тихо:

— Воды вам послушны. Я уже говорил, ты слушала без внимания: вы можете стать оружием. Не усмирять Волну, а создавать бури и штормы, губя целые острова.

— Но я не хочу их губить! — охнула Элиис.

— Вспомни про сушеных акул, людоедов и особенно — про цветок ош, — грустно предложил Эраи.

Элиис прикусила губу и виновато смолкла. Ответа у нее не нашлось. Но, судя по упрямой складочке на лбу, мысль засела в сознании глубоко... Закончив ломать последнюю лепешку и вдоволь напившись, девочка нехотя уселась в крытые носилки. Свежесть вечера и усердное проветривание удалили духоту. На повторное предложение араави дать обещание не пытаться сбежать Элиис упрямо замотала головой. Сытость и отдых вернули силы — и для сопротивления в том числе.

• Морииль •

ГЛАВА 1

Гнедой добрел вдоль ограды до калитки, встал, насмешливо фыркнул — ну и хозяин попался, все приходится делать самому! Не дождавшись ни указаний повода, ни окрика слугам, жеребец привычно изогнул шею и дернул зубами петлю ремня, срывая простенький запор. Принюхался к цветущему кусту, выбрал самую аппетитную ветку, схрюпал и протиснулся во двор. Лениво намекнул на готовность скинуть задом — нечего рассиживаться в седле, когда скакун желает получить ячмень и чистку. «Заслужил, между прочим», — согласно кивнул Крид и осторожно сполз наземь, сберегая недавно пролеченное бедро.

Само собой, Дина безупречно зашила прореху в кружеве. Точнее, старалась горничная, хорошенькая настолько, что постоянно получала выволочки от Дины и защиту со стороны ее ухажеров — неизбежный повод для нового недовольства хозяйки. В этот раз пришлось, по обыкновению, со вкусом извести полночи, препираясь с высокородной госпожой Тэль-Мар, уговаривая ее и развлекая столичными историями или выслушивая таковые, еще неизвестные. Восстановить подобие целостности кружева — дело небыстрое...

Успокоившись по поводу манжета, Крид задумчиво улыбнулся. Уговаривать Дину было приятно. Умница с острым язычком и живым характером, к тому же надежный человек. Кстати, мысль неплохая и перспективная, можно так и сказать: «Мама, я задержался на кофе. Стемнело, и я решил не спешить, отужинал...» Крид сокрушенно покачал головой. Увы, остаться без завтрака никак нельзя, мама сразу спросит, сыт ли он, и придется поддерживать ложь, бурча голодным животом. Это будет тотчас замечено, маму так просто не обмануть, ее светлость по первому вздоху улавливает, что именно сын намерен скрыть. Мама снова будет смотреть грустными глазами святой и, если

заметит шрам под кружевом, воспользуется самым сильным своим оружием — раскроет веер и примется молча ронять слезы. Словно есть повод!

От ворот конюшни уже плелся малыш Олиж. Он зевал, потягиваясь, и неуклюже хромал: наверное, опять заснул в стойле любимой кобылы и отлежал бок. Как же, наша Ласточка скоро будет жеребиться. Ага, через месяц...

— Что дома?

— Запалите вы коня, господин. А дома... Искали вас с вечера, — сердито сообщил конюх, вырывая повод и щупая потный конский бок. — Серых закладывали и к соседям ездили. В большой спешке, а Растош подсекается, я говорил, а мне — молчи, щенок. В общем, гnevаются.

— Не спала? Ох... Ну хоть отдыхала у себя?

— Свечи до зари палили, кофеёй заморской весь двор провоняли, лошади беспокоятся.

Крид обреченно вздохнул и отказался от идеи прокрасться в спальню тайком. Чуть подумав, он изобрел целых три блистательных в своей достоверности — так представлялось сейчас — рассказа, способных убедить маму в исключительной миролюбивости сына. Придумывая все новые подробности лжи, целительной для мамы, Крид потер ушибленное плечо и, заранее склонив голову, решительно направился в дом.

Только бы не плакала!

Она ждала сына в малой розовой гостиной — как всегда, безупречно одетая, с приятной спокойной улыбкой. Держится. Иногда бывает хуже. Когда отца долго нет дома, она мелко перебирает пальцами веер, мнет платки и выбирает платье самого тусклого тона. А на него, Крида, смотрит с особенной грустью и очень виновато. Старший сын, официальный наследник, имеет полное право на родовое имя мужа, фамильный замок Гравр, титул принца — и так далее.

Грех ее юности. Любая дворовая собака, хоть и молчит, но знает: отцом Криду доводится по крови, а не по закону, капитан городской стражи Лориш Эгрис. Ничтожный род, и человек был так себе. Говорят, в молодости слыл первым красавцем севера и женщин добивался без усилий. За маму ему заплатили. Крид в давнее время, еще мальчишкой, истратил немало сил и золота, чтобы выведать тайну своего происхождения. Сперва он действовал через слуг, и своих, и чужих. Заказал копию клю-

ча от отцовского ящика с бумагами, купил переписку Лориша после его ранней смерти, оплатил разговорчивость посредника. Он надеялся, что сплетни за спиной — лишь ошибка и злой навет. Два года ушло на то, чтобы безвозвратно лишиться иллюзорной надежды. Маму продали Эгризу люди короля, требуя опорочить девушку из семьи Дарг и тем безвозвратно расстроить династический брак. А спас маму конечно же отец — настоящий, но, увы, не кровный.

Мирош Гравр так решительно настаивал на своих правах, подкрепляя их угрозами сжить со свету и даже просто зарубить недоверчивых тотчас и без длинных разбирательств, что окружающие потакали малейшему его действию или намерению. Очень похожим способом Крид получил титул принца без возражений дальней и ближней родни Мироша... Впрочем, не меньший вклад в общее умение молчать и принимать неудобную ложь внесла бабушка. «Эх, если бы она была здесь, — возмечтал Крид, — мама бы обязательно улыбалась». Или, еще лучше, ругалась, забыв о непутевом сыне.

— Крид Гравр Тэль-Коста, ваша светлость. — Мутные глаза лакея явно свидетельствовали о том, что он с самого вечера ждет непутевого старшенького в засаде у дверей гостиной.

— Прибыл. — Мама откинулась на спинку диванчика и звякнула чашечкой о блюде, отмечая крайнюю степень гнева. — Скоро с тобой перестанут разговаривать абсолютно все. В столице тебя именуют ночным убийцей — вот до чего мы дожили!

— Мам, да бог с тобой, я никого сегодня не убил, — обиделся сын, усаживаясь в кресло и двигая к себе блюдо с кружевной ветчиной. — Я вообще очень добр к проигравшим, бабушка Ната велела щадить слабаков. Я довез мальчишку до дома и пообещал выпороть, если он еще раз... ну, скажет не то. А молчать вообще, по любым поводам, я никого не заставлял. Ни теперь, ни прежде.

Повисла тишина. Мама прикрыла глаза и старательно вслушивалась в сказанное, определяя меру правдивости истории. Слуги воспользовались паузой и внесли легкую закуску — мясное блюдо, булочки, сыр, несколько сортов паштета в отвратительно, неподобающе ничтожных фарфоровых розетках. Добавили на стол кувшин вина, разбавленного до стыдливой бледности, и удалились.

— Ты ранил его? — определила главное мама.

— Царапина, мам! — решительно заверил Крид, на сельский лад разрезая булку пополам и вминая в щель мясо, а затем и паштет. — Кстати, почему у нас так безобразно тонко режут мясо? Блюдо размером с... э-э-э... задний бант госпожи Лоттиш, а слопать решительно нечего. Я клацаю зубами попусту.

— Ты совершенно не умеешь изъясняться подобающе своему титулу. — Лидия кое-как сдержала улыбку, припоминая размер того, что якобы маскируется бантом. — Это безобразное влияние бабушки. Я вынуждена была нанести визит Дамюзам, вот там-то все сделалось очевидно... И я заранее принесла извинения. Он не ранил тебя?

— Мам, — Крид подавился последним куском ветчины, — ну это уже слишком! Рукав вот чуть-чуть, и только. Да и кружево пострадало исключительно оттого, что я изо всех сил берег сопляка. Даже подставился.

— Твой брат — ангел во плоти, — знакомо вздохнула Лидия, успокоенная видом почти целой кожи руки под штопкой кружева. — Сама кротость, само обаяние. Ты ломаешь ребенку жизнь своей чудовищной репутацией. В этом месяце, при полном отсутствии общества, в глухой провинции, ты умудрился извести на дуэли семь ночей!

Крид облегченно вздохнул и сразу же потупился, усердно изучая грязные сапоги. Он задумался, о ком из оставшихся пятерых мама не знает? Ох, как бы не проговориться невзначай! Ну, само собой, младший Тэль-Локт: в их особняк мама не навевается никогда. Знала бы о драке, заперла бы сына в покоях. Крид запихнул в рот остаток булки и принялся старательно жевать, наполняя бокал бледно-розовой водичкой. С Тэль-Локтом бой вышел вполне даже серьезный, парень он взрослый и весьма решительный, принца обвинял в таком, что о примирении даже секунданты не пытались спрашивать. Теперь Крид кое-как вползает в седло с распоротым бедром, а Тэль-Локт уехал лечить руку в охотничий домик. Занятно то, что драка обоих примирила, отделив прошлое от нынешних отношений. Мало ли что там папа Мирош сказал или сделал и в чем обвинял одного из старших князей Локтов? Давно это было. Нынешний молодой княжич оказался человеком прямым и вполне приятным, обещал не говорить глупостей, не разобравшись. Затем...

— Так я кого-то упустила? — тихо и зловеще уточнила проныцательная Лидия. — И много их?

— Да-а... нет, я имею в виду — пустяки. — Логика сказанного поставила в тупик самого Крида. Мама задумчиво тронула веер и, решив пока не расстраиваться, погрозила сыну пальцем: заврался. — Mam, ну сущие пустяки!

— Тебя убьют, — сломалась Лидия, ставя чашку и вытаскивая платочек. — Я не переживу этого.

— Mam, с каждым гадом, тьфу ты, годом, у них все меньше надежд, — честно «успокоил» наивный сын. — У меня опыт и, опять же, репутация... Если рассуждать здраво, рискую я по-настоящему при встрече с пятью-семью бойцами, но мы или дружны, или уже разобрались.

— Кого я упустила? — строго повторила вопрос Лидия. Край обмороженного в молодости уха чуть заметно порозовел, выдавая раздражение. — Гадкий мальчишка! Не прячь глаза... Так, не одного, ты явно сомневаешься, кого из страдальцев мне называть! Ты изуродовал их?

— Ma-ам...

— Мы уехали из столицы, дабы поправить твоё здоровье, именно так, — с облегчением вздохнула княгиня Тэль-Коста. Слуги добавили свечей и раздвинули шторы, теперь румянец на лице сына смотрелся куда убедительнее. — Я запрещаю!

— Mam, может, хватит нам на семью одного ангела, а? — тоскливо предположил Крид. — Мы же по большей части не все-рьез, просто забавляемся. А по меньшей — так это надо, родовая честь и всякое там прочее.

Сердобольная Марта очень кстати внесла новый кружевной веер ветчины — сама, не доверяя дело бестолковой здешней прислуге. Проплыла через комнату, наполняя ее запахами съестного и своих лекарских трав, махнула крупной рукой, милостиво разрешая людям с кухни доставить настоящий завтрак. Тотчас возникли двое с кофейником и чашками, затем доставили бульон и — спасибо доброте богов и рассудительности няни — установили в середину стола блюдо с цельной запеченной уткой. Удачное начало дня. Желудок довольно заворчал, требуя сразу уделить внимание утке. Крид послушно придвинул блюдо.

— Марта, ты величественна, как «Герб Дэлькоста», —

кое-как буркнул принц, усердно вгрызаясь в утку. — Это наш новый флагманский галеон.

— Я лучше, — басовито согласилась Марта, гордо поправив свои рыжие волосы, до сих пор не отмеченные ни единым штрихом седины. — И опаснее. Берегись, уж как наподдам — сабелькой не отмахнешься.

— Мама говорит, раньше ты была такая тоненькая, прямо как Дина, — мечтательно сообщил Крид. — И еще она говорит, ты боишься бабушки Наты. Напоминаю: я и есть любимый внук Натэллы.

— Ты тоже опасаясь ее, — хохотнула Марта. — И верно, наподдать она может похлеще моего. Есть ведь за что!

Марта развернулась и поплыла к выходу в коридор, высказавшись самым исчерпывающим образом. Лидия отодвинула чашечку, тихонько рассмеялась и нанизала на вилку последние прозрачные ломтики ветчины.

Крид подвинул ближе к себе бульон.

Мамины упреки понятны, но бесполезны. Да, папа Мирош уже третий год официально считается наследником. Двоюродный дядюшка потерпел полную неудачу в обеспечении короны прямым потомком рода Тэль-Коста в линии крови Лгос. Его сестра умудрилась очень некстати уйти от светской жизни и дать обет безбрачия. И теперь принц Крид Гравр Тэль-Коста, безродный сынок подонка Эгриса, — наследный принц второго поколения. Все знают, но не все терпят. Лучшее, что он может сделать, — укорачивать языки самым наглым и не выходить из себя... тьфу ты, из дома без сабли.

Если бы маме говорили всё, не опасаясь за ее слабое сердце, то сообщили бы, что и Крида, и ее саму держат в глухой дыре по распоряжению отца. В это время бабушка вразумляет де Тивов, снова вознамерившихся вступить в союз с Локтами-старшими, а папа выставляет отряд наемников из поместья Тэль-Розов близ столицы. Мирош, добрый человек, обещал отбросить глупости с кровной мезтью и устроить ребятам местечко на галерах, у весел, чтобы поработали, обзавелись мозолями. Догребут до южного княжества Лозильо, там с полгодика потрудятся — как раз обдумают свое поведение, малость поуспокоятся. Уж по крайней мере устанут так, что обратно, к чужим заговорам, не вернуться. Крид тяжело вздохнул. Как-то после особенно бестолковой драки папа и его пристроил на галеру. Увы, к сыну

Мирош не проявил должной доброты, и пришлось грести на север. Осенью. Подальше от столицы, интриг и развлечений.

Крид искоса глянул на мать. Хорошо хоть, она понятия не имеет о том, что лечился сын вовсе не от последствий сабельного удара. Арбалетный болт в боку — штука куда более неприятная. Стрелок не вызывал на дуэль и не оповещал о намерении исполнить свое дело, оплаченное кем-то весьма знатным и пока что безымянным... Брат Элиш Тэль-Коста может себе позволить слыть ангелом, у него настоящая голубая кровь королей. Наследником как раз желают видеть его — покладистого, тихого, домашнего. Управляемого, как кажется со стороны. И, рачищая место наследного принца тихоне Элишу, некто намерен вколотить в шкуру негодного для трона Крида столько стали, сколько потребуете...

Лидия вздохнула, снова потянулась к ветчине и досадливо всплеснула руками — поднос оказался пуст. Жестом предложила внести сладкое.

Она конечно же знала. Отношение двора к ее сыну ни для кого не секрет. Очень многие желают оскорбить, а то и просто уничтожить принца. Совершенно понятно и то, что именно благодаря крайнему упрямству и вздорному характеру Крида никто не смеет сказать самой княгине Лидии ни одного дурного слова, за спиной давным-давно не шепчутся, вспоминая добрый позор. Разок посмели. Два года назад, на большом осеннем балу. Лидия невольно улыбнулась. Кто бы мог подумать, что и второй олух не менее упрям и станет другом ее мальчика, когда поправится?

— Мам, а почему мы не бываем в фамильном замке Гравр? — осторожно спросил сын. — Он ведь наш родовой и пустует двадцать четыре года.

— Потому что мы никогда не ездим к океану.

— Так я как раз об этом и спрашиваю!

Лидия вздохнула. Попробовала сделать вид, что по-прежнему сердится. Наглый сын заматал головой — не верит и не поверит. Он именно наглый, а не глупый, у него бабушкин наметанный глаз на недосказанность и вранье... Может, и правда лучше объяснить? А то вновь возьмется изводить деньги и копать в старых секретах, включая в дело посторонних людей и задирая их. Будут новые дуэли...

Собственно, тайны-то особой нет. Она совершила ошибку:

сдалась под натиском фальшивого человека, которому совершенно не стоило верить. Муж потерял больше. Он и теперь не может забыть синеглазую южанку. Понимает, что непоправимое случилось по его вине: шел на поводу у короля, слушал сплетни, оставался вдали от самого дорогого существа и полагал, будто их отношения — очередная модная интрижка. Когда все рухнуло, Мирош не впал в отчаяние именно благодаря Лидии.

По меркам двора, их брак был более чем счастливым, да и по любым иным, если разобраться... Мирош жену уважал и со временем научился по-своему любить, спокойно и тепло, без юношеской горячности. Она боготворила мужа — спасителя для нее и для сына.

Но смуглая синеглазая женщина со сложным именем, переименованным в местное «Эльза», всегда стояла где-то рядом. Как тень, с которой бесполезно бороться. Ей неизменно семнадцать, ее красота не угаснет, а вина перед ней не будет заглажена.

Мирош лишь однажды был в Гравре, ближе к весне того года, когда потерял Эльзу. Лидия поехала с ним, мужу было очень больно и плохо. Он долго смотрел в морскую даль, потом отвернулся и велел заложить карету. А сам сел и написал прошение адмиралу. Больше он никогда не выходил в море. Говорил, оно смотрит глазами Эльзы и никогда его не простит, к чему же рисковать жизнями команды?

Крид выслушал молча и недовольно. Отец — человек для него безупречный, Мирошу можно простить все. А выходить в море надо.

Лидия знала причину интереса сына. Она осторожно нащупала веер, желая отгородиться от разговора и помолчать, выбирая повод для отказа от того, что сейчас неизбежно будет ей предложено...

Входная дверь оглушительно хлопнула. Нечто тяжелое упало и зазвенело металлически, отчаянно и множественно. В единый миг из чинной утренней тишины выросла паника. Надрывались на два голоса чудовища, их голоса сотрясали стекла в окнах, и Лидия едва решилась предположить, что слышит всего-то собачий лай. Кони храпели, Марта рокотала командным басом, Олиж тоненько причитал у конюшни.

— Бабуля, — осторожно предположил Крид, когда паника сделалась невыносимо громкой. — Ната!

Он вскочил, оттолкнул забытую утку, бросил мимо подноса необглоданное крылышко и помчался к входу, едва увернувшись от медленно раскрывающихся створок дверей.

— Сундуки туда, остолопы, — распорядилась бабушка в прихожей. — Ровнее, ровнее. Во, прешь за милую душу, а жаловался, что тяжело, крихтун! Сидеть!

Крид едва не исполнил приказ, потому что бабушке отчетливо повиновались все и неизменно. По счастью, принц успел заглянуть в прихожую и рассмотрел двух огромных псов. Оба уже сидели, мелкими глазками в багровых щелях век отслеживая всякое движение хозяйки. Натэлла метко швырнула в дворцевого бархатный плащ, следом отправила берет и обернулась к внуку. Не теряя ни мгновения, отцепила с пояса кошель.

— Скотина ненасытная, — ласково сообщила она, целя увесистым золотым грузом в глаз Криду. — Бегом улаживай свои дела. И помни, если я допью кофе прежде, чем ты вернешься, тобою позавтракает... — Бабушка погладила огромную лобастую собачью башку под правой рукой, хлопнула по брылям левого пса, басовито взревновавшего. — Оба красавца, я не жадная.

— Ната, я тебя люблю, — с придыханием прошептал принц, протискиваясь мимо собак. — Я мигом!

— Стоять! — приказала бабушка. Псы вскочили, Крид замер. — Динке во, блестяшку отнеси. У владельцев замка Лойш туго с рубинами, да и деньжат у них маловато, какого рожна ее папаша подавился костью и помер? Безответственный мужик.

Крид поймал бархатный мешочек, кивнул и резво захромал к дверям. Опомнился и постарался исправить походку.

— Подранок, кто тебя воспитал? Хоть дельный человек? — без особого интереса предположила Натэлла.

— Ага.

— Коротко... Значит, имя мне не понравится. Беги, пока подарки не отняла.

Крид метнулся с крыльца, закусив губу, с подножки кареты влез в седло верткой рыжей кобылки, как раз поданной Олижем. Рысь тревожила шов на бедре, но принц терпел. Бабушка мудрый человек, она одна из всей семьи и понимает, сколь неприлично требовать у взрослого мужчины отчет по деньгам. Он не гуляка и не игрок. У него есть свои друзья и дела, разве это касается мамы или кого-то еще? Разве их старые представле-

ния о репутации того или иного рода следует принимать во внимание, если твой приятель — вот он и сразу видно, хорош или так себе, ничтожество? Шипя и совершенно недостойно охая, Крид добрался до особняка семьи Лойш Тэль-Мар. Свистнул в два пальца. Добыл саблю и принялся колотить обухом по ограде. Дом проснулся, на втором этаже наметилось движение. Дениза выглянула на балкон в меховом плаще, накинутом поверх кружевного ночного платья, пикантно обрисовывающего ее грудь.

— Динка, я тебя люблю, — не унялся Крид. — Выглядывай так почаще, я даже женюсь!

— Вот еще несчастье, — рассмеялась официальная невеста, сводя полы плаща на груди и придерживая рукой для надежности. — Тебя выгнали из дома?

Она зевнула, благодарно кивнула горничной и сунула ноги в теплые валяные тапки до щиколоток. Поежилась, охотно подставила спину под второй плащ. Крид примерился, раскачал бархатный мешочек и кинул на балкон. Подарки Натэллы всегда имели достаточный вес, чтобы долетать туда, куда их отправляют. Дина ловко подхватила вещицу, распустила завязки и вытряхнула шуршащее золото на ладонь. Молча рассмотрела, заулыбалась.

— Ната приехала? Скажи ей, что я ее целую в обе щеки, что люблю и все остальное, ты справишься — тот еще подхалим.

— Ага, — не стал спорить Крид. Метнул кошель: — Половину — Лиззи. Ей очень нужны деньги, вот сама и сообрази, как их всучить. От оставшегося отправь Локту что следует и Дамюзу тоже, я испортил его любимую куртку. Ну, разберешься.

Дина подобрала кошель, кивнула и убрала в плащ. Постояла, глядя на бледного, едва способного держаться в седле Крида.

— Сейчас коляску заложат, я пока позову лекаря...

— Бабушка приехала с какими-то зверюгами, они крупнее мраморных чудищ у вашей лестницы, — пожаловался принц. — Не вернусь сей же час, меня скормят на завтрак.

— Дурак ты, — беззлобно приговорила жениха Дина. — Шов разойдется — свалишься дней на двадцать. И что тогда будет с мамой?

— Не свалюсь, — пообещал Крид, развернул кобылу и направил к дому. — Дина, крепись, не скучай без меня уж вовсе жестоко.

— Надеюсь, я успею заскучать, скоро не жду, — зевнула юная госпожа Тэль-Мар, отвернулась и побрела в зал.

Крид слышал, как Дина уточнила у горничной время, и застонала, получив ответ. Просыпаться так рано девушка с ее происхождением не имеет права...

Возле дома Крид сполз с кобылы и захромал к двери под новые причитания Олижа, убежденного в том, что все на свете люди — мучители коней и потому негодяи, не достойные снисхождения. Дохромав до гостиной, Крид выслушал сонный голос лакея, подобрался и медленно двинулся к дивану, ничуть не приволакивая большую ногу. В иное время мама заметила бы и это. Но не сегодня. Лидия, непривычно покрасневшаяся, смеющаяся, кормила собак. Кружевную ветчину хозяйка дома укладывала прямо на языки, псы морщились, терпели, следили за руками — и, едва получив разрешение, одним клацающим движением заглатывали ничтожное угощение.

Бабушка восседала в кресле, свалив на колени кипу бумаг. Кофе трепетал струйкой пара у правого ее локтя, на малом столике. У левого локтя трясся всем телом управляющий. Его лицо было белее пара.

— Лидка, почему он так дергается, ведь не ворует, — поморщилась бабушка, перевернув еще один лист. — Как тебе собачки?

Крид медленно устроился на диване, выбрал положение, не причиняющее боли бедру. Мама снова не заметила состояние сына, она гладила широкий лоб более крупного пса, отстоявшего право быть приближенным к хозяйке дома, ее ветчине и ее вниманию.

— Маленький, хорошенький, — ворковала княгиня Тэль-Кост.

— Не особенно маленький, — хмыкнула бабушка. — Лучший за весь тот год, да и выучка... Король наш давал за Негодяя пять тысяч золотом. Я посоветовала ему купить каменную башню и запирать двери: и дешевле, и поданным хоть какой, а отдых. Негодяй! Голос.

Пес обиженно глянул на хозяйку, проглотил ветчину и басовито рывкнул один раз. Лидия рассмеялась. Крид задумался и даже насторожился. Он знал, что цена на бабушкиных собак в последние пять лет стала непомерна, это и мода — король держит только таких, — и нечто большее. В тех домах, где заводят

бабушкиных псов, не приключается странного. А странное — это теперь как раз то, о чем двор предпочитает не упоминать. По-настоящему опасные события не становятся сплетнями, о них и без того знают все. И старательно обходят вниманием, не делая попыток даже мысленно оказаться рядом с бедой...

— Значит, де Тивы нам шлют приглашение на зимний бал, — проворковала Лидия, почесывая горло пса. — А мы не поедем. Мы не желаем.

— Лидка, как я горда собою, — хмыкнула бабушка, сгружая бумаги управляющему в охапку. — Иди прими капли, честный трус. Лидка, я тебя воспитала. Ты не сутулишься и выказываешь характер. Каких-то двадцать лет ругани, и дело сдвинулось. Де Тивы — вчерашний день. Я получила письмо от Мироша и намерена проводить вас в Гравр. Там свинарник, запустение и поголовное воровство. Этого я жду, еще не видя бумаг... Ну и ладно, они у меня научатся жить по-людски.

— Как же это — в Гравр? — насторожилась княгиня и испуганно глянула на сына. — Крид, ты затеял разговор неспроста? Это опасно? Ната, и ты все знаешь, и собачки... Дело плохо! Муж хотя бы вне опасности?

— Ему я пока что пса не отдала, — задумалась бабушка. — Он прибудет в Гравр, мы так договорились. Лида, ты мой характер знаешь. Нед, он же Негодяй, с этого дня — твоя тень. Пока он с тобой, я спокойна, и Мирош тоже. Годяй, его братец, будет тенью Мироша. И тогда странности научатся обходить ваш дом.

— Боже, — едва слышно шепнула Лидия, бледнея и щупая платок. — Крид...

— Его мы спасем особенно усердно, — подмигнула бабушка. — Лидка, не рыдай, я терпеть не могу сырость, мы поссоримся раньше срока. А я намерена быть с тобой не менее месяца, хотя обычно нашей взаимной приязни хватает лишь на десять дней. Чем я дальше, тем я сильнее тебя, непутевую, люблю. Да не сутулься!

— Ната, мы говорили о чем-то важном, прекрати меня воспитывать, я не девочка и не буду отвлекаться на пустяки, — звенящим от обиды голосом заверила Лидия.

— Собрать вещи я уже велела, Марта присматривает, — сообщила Натэлла, покосившись на Крида. — Уезжаем утром. Иди вон отсюда, не зеленой и не трави мамке душу, негодяй...

Пес вскинулся, дергая обрубок хвоста и восторженно глядя на хозяйку, удостоившую его вниманием.

— Нед, сиди, не тебе сказано, — хмыкнула Натэлла. Подмигнула Лидии: — Я назвала его так, чтобы отучиться ругать твоего сына. Ловко, правда?

Крид кивнул, встал очень решительно и даже не закусил губу, когда нога едва не подломилась от боли. Мама комкала платок и смотрела на Натэллу, ожидая пояснений и заранее опасаясь худшего, по своему обыкновению.

Принц прохромал до дверей и почти рухнул на руки могучей Марты, уже ожидающей в коридоре. Шов, теперь он уже не сомневался, надо срочно осмотреть...

«Все особенно странное началось не менее шести лет назад», — старательно напоминал себе Крид, пока Марта раскладывала инструменты и расставляла склянки, готовясь заново обработать рану и зашить ее. И так, два глотка горьких обезболивающих капель, палку в зубы — и думать о странном, прикрыв глаза и не мешая Марте. Само собой, необычные и мало понятные события происходили и прежде, но шесть лет назад они сделались заметными. И одна их составляющая — непорядок на море — вызвала общие разговоры. Сперва сел на мель большой торговый корабль. Что тут странного? Да все! Крушение приключилось в ясную погоду, при слабом ветре и без волнения, судно имело трезвую слаженную команду и опытного капитана. Моряки твердили, что их, видите ли, позвали, и они пошли...

Потом разбился флагман военного флота, прежний «Герб Дэлькоста». Новый недавно отстроили на той же верфи и по тем же планам. Галеон врубился в скалу при ясной погоде, в штиль, днем. Его команду и капитана тоже позвали. И так — снова и снова. Военные корабли, торговые суда, малые шхуны и шлюпы, рыбацкие лодки. Обстоятельства всегда нелепы.

Слухи и домыслы множились, правды никто не знал. Расследования, проводимые снова и снова, ничего не давали. Народная молва постепенно отшлифовала основную — хуже того, единственную — причину катастроф. Сказки всегда упоминали русалок, женщин, живущих в море и по злобности своей топящих корабли. Только нынешние русалки действуют не из пустой злобы, за ними видна рука Запретных островов, о которых ничего толком не известно. Даже их расположение. Видно, хо-

тят войны и собирают силы. Три года назад Дэлькост, а затем и Нагрок прервали отношения с Запретными островами, закрыв свои порты для южных лодок. Не успокоившись на первом шаге, король Альбер Лгос Тэль-Коста повелел строить флот, намереваясь исследовать море, нанести все острова и рифы на карту, постепенно сузить темную область, где прячется коварный враг. О войне Альбер пока напрямую не говорил, но кто умел слушать, тот понимал, что после составления карты будет объявлен большой морской поход.

На суше странное проявляло себя не столь явно. Да и объяснения оно не имело. Кто поверит в русалок, атакующих поместье в сельском захолустье? Нет ни следов боя, ни чешуи на полу, ни даже беспорядка... Но люди в последние годы вдруг стали уходить из дома и пропадать, резко менять мнение, предавая прежних союзников, отписывать состояния невесть кому или умирать в расцвете сил, без малейших на то причин.

— Ежели в ночь не сбегёшь, утром будешь живой и дорогу до Гравра стерпишь, — сообщила Марта, перетягивая бедро холщевой тканью. Ловко влепила принцу подзатыльник: — Негодник, мать не бережешь. Одежду смени и иди к обеду. Ждут тебя, вон, ругаются.

— Они всегда ругаются, — отмахнулся Крид. — Им обеим это нравится. Мама ни с кем больше не чувствует себя так свободно. Марта, спасибо. Ты лучше всех.

— Не подлизывайся, — порозовела от удовольствия нянька.

Крид быстро переоделся, умудрившись почти не опоздать к обеду. Занял место за столом и настороженно отметил: мама всерьез чем-то огорчена. Лидия сердито глянула на сына.

— Ната, да что ты такое говоришь! Вы с батюшкой, прости мою прямоту, совсем уж в горах одичали, ты дурно влияешь на отца, да и Мирош поддается. Что за дело моему сыну до поручений Альбера? Пусть король командует армией. Оболтусу всего-то двадцать три, он почти ребенок.

— Ната, ты все знаешь? Как хорошо, что я не должен признаваться в одиночку! Его величество любезно предложили мне, принцу, почетную роль соглядатая, — вздохнул Крид, усердно отпиливая кусок оленины.

— Ты и прежде не слишком ловко врал, — укорила мама. — Ната, неужели ты прибыла, чтобы я оказалась одна против ва-

шего заговора? Как можно подумать такое: отправлять ребенка в море на съедение всяким акулам и пиратам!

Мама всплеснула руками, сморгнула слезинку. Негодяй возмущенно заворчал и уставился на принца пустыми темными глазками, особенно жутковатыми в прорезях багровых век. Морда пса была ужасна, Крид даже подумал, что бабушка с этим вот Недом могла бы явиться к любому в Дэлькосте и стать причиной «странного». Хотя Натэлла и без посторонней помощи умеет так отделать людей, что разбойники позавидуют ухваткам...

— Мам, ну что король, если отец тоже сказал — надо.

— Так, — тихо расстроилась Лидия, наколола свою долю мяса на вилку и скормила псу. — Я не могу кушать, мне дурно... Вы все норовите меня огорчить.

— Дай сынуле веером в нос, полегчает, — привычно посоветовала невыполнимое Натэлла.

Мама в отчаянии отмахнулась. Пес заворчал и уложил голову на колени новой хозяйке, выпрашивая оленину и похвалу. Он умильно улыбался и щурился, пытаясь показать, что заслуживает внимания больше всех в комнате.

— Испортишь собаку, — огорчилась Натэлла. — Он сторожевой, а ты ему готова бантик на шею вязать, тьфу... Нед, а где чужие? Проверь!

Пес вскочил, в его горле заклокотало басовитое рычание. Когти проклацали по полу — Негодяй умчался прочь, мрачно принохиваясь к каждому слуге и показывая для порядка ровные длинные клыки.

— Вообще-то папа не приказывал, — сознался Крид. — Он подумал вслух. Я сам вызвался. И мы вместе решили, что я прав. Меня порой сильно хотят... урезонить. И он не уверен, что вдали от берега опасность будет выше.

— То есть мое мнение никого...

— Мам, я же все собирался рассказать, и бабушка с тем же приехала, — обиделся Крид. — Мы советуемся. Я предложил папе Мирошу отослать на войну с русалками брата Элиша, все девушки теряют голову при виде нашего ангелочка. Он легко отловит дюжину-другую хвостатых поклонниц. Они ведь хвостатые?

— Крид!

— Вот и папа рассердился, — сокрушенно вздохнул сын. —

Так что отправлять надо меня. Мам, как же далеко меня послал папа за мое усердие в предложении плыть! Хорошо, ты не слышала. Вот тогда я привел серьезные доводы: я наверняка выживу, потому что плаваю как рыба.

— Спроси у Марты, — светским тоном посоветовала Натэлла, изучая перстни на левой руке. — Когда твой него... паразит нырнул...

— Крид! Не донимай меня вашими с бабушкой мерзкими выходками.

— Придется завести еще и Паразита, чтобы исправить речь, — задумалась Натэлла. — Хорошая кличка, впишу как «Пар», пожалуй.

Лидия с трудом сдержала улыбку. Что уж там, в совершенствовании светской манеры говорить Натэлла неутомима, но ее попытки, увы, тщетны. А история с Мартой была действительно знатная. Два года назад неугомонному Криду взбрело в голову подшутить над нянькой: нырнуть и пощекотать пятку ей, купающей долгожданного позднего сына князя Михля Тэль-Дарг, писклявого пацаненка трех лет от роду...

Няня уже тогда затмевала собой величие флагманского галеона. Ревела она так, что псы в замке затихли и забились по углам. А уж как гнала Крида, вооружившись оглоблей, подобающей ее стати! Потом, насколько знала Лидия, принц извинялся перед няней дней десять. И в наказание еще месяц исправно играл в куличики со своим трехгодовалым дядей, сыном Натэллы, позволив бабушке и дедушке бросить заботы по воспитанию наследника и посетить летние балы...

— Мам, я правда плаваю о-го-го как. К тому же наделен отсутствием слуха и голоса. Русалки могут петь до позеленения, я не оценю. Или какого у них там цвета чешуя? Как вообще можно плениться скользкой мокрой бабой, которая и женщина-то только выше пояса...

— Крид! Романтические юноши таких гадостей о девицах не говорят. — Лидия нашарила веер и усердно замахала им, отгоняя улыбку. — Родственники Дины скоро начнут выставлять тебя из дома. Наследнику полагается уделять внимание тому, что выше талии.

— У нее и выше все путем, — не поняла претензий Натэллы, вмешиваясь в разговор. — Толковая девка, разворотливая и без придури. Крид, чем тебя не устраивает Динка?

— Я уделяю ей внимание.

— Серьезнее, я слушаю и пока еще не плачу, — дрогнувшим голосом расхрабрилась Лидия.

— У нашего короля седьмой год как объявился мерзкий советник, — сменил тон Крид, заговорив серьезно и неспешно. — Шепчет в ухо, и все выходит по его указке. На мой вкус, так он и есть русалка: скользкий и гнусный, а еще смуглый и темноглазый, типичный житель загадочных южных островов. Какой толк снаряжать корабли на войну по указке противника, а? Вот я и счел для себя важным глянуть, что там на юге и как. Отец, повторяю, в курсе.

— Когда? — Веер упал, но Лидия этого не заметила.

— Лидка, я на кой, по-твоему, приехала? — возмутилась бабушка. — На днях. Сперва я пригляжу за вами по дороге в Гравр, затем подниму там на уши прислугу и научу ценить место. Элиш пришвартует в нашей гавани шхуну и отвезет Крида подальше на юг, спустит лодку, махнет на брата рукой...

— Мам, ты ведь проводишь меня до берега? — заискивающим тоном попросил Крид. — И это, платочком вслед...

— Платочков у меня много, но тебя полезнее напутствовать веслом по шее, — невесело улыбнулась Лидия. — Там-то, если доберешься, что станешь говорить и делать?

— Я умею болтать на их эмоори, хоть и не слишком складно. А что надо делать, и того яснее. Теперь я знаю: искать Эльзу. Мам, не бледней, прошлого не вернуть. А вдруг у меня там брат или сестра? — Принц захихикал. — Меня мгновенно и единодушно признают полноценным Костой в случае угрозы коронации смуглого старшего родича с хвостом. Ох и подарочек двору! Семейка с ангелом, морским дьяволом и мною, живым и понятным, посередине.

— Ты ничего не понимаешь в морских делах!

— У меня брат — один из лучших молодых капитанов нашего флота. Научил, хоть и на словах. Мам, я твердо знаю, где юг. — Крид задумчиво огляделся. Наконец ткнул пальцем в стену: — Там!

Лидия вздохнула и плакала, сетовала, грозила и смеялась. Ссориться с Кридом у нее и прежде плохо получалось. Вся дорога до прибрежного родового имения — десять дней — прошла в неудачных попытках снова устроить скандал и порушить нелепые планы.

И пришлось ей махать вслед шхуне белым кружевным платком, а потом плакать в него до самого вечера, выслушивая упрёки Натэллы, не способной понять столь недопустимую хрупкость природы падчерицы.

Впрочем, страхи Лидии не шли ни в какое сравнение с бешеными метаниями бывшего капитана — Мироша Гравра Тэль-Косты. Припасы лодки ничтожны, мореходность смешна, парус мал и примитивен, управлять им Крид умеет не особенно ловко. Крид! Неродной по крови сын, которого даже заклятые враги втайне ценят. Если бы король знал, куда и зачем собрался наглый мальчишка, со свету сжил бы. Его новый советник не любит сюрпризов.

А Мирош не любит советника, и это взаимно. Так что для Лидии самое лучшее — тихо сидеть за крепкими стенами Гравра и грустить в обществе мрачного Негодяя, ожидая новостей. Хоть кто-то в относительной безопасности, хоть за нее пока не надо переживать!

Мирош снова метнулся к дивану, повернул к столу и зарычал от накопившейся усталости и бессилия изменить совершённое. Как этот несносный мальчишка уболтал его на авантюру? Боги, да он же ничего не понимает в навигации!

ГЛАВА 2

— Ваши сны снова осмелились огорчить вас, — тихо вздохнула газури, опускаясь на колени возле ложа повелителя. — Я приготовила сок.

— Не сладкий? — поморщился Яоол, не решив для себя, оправданно ли выказывать гнев.

— Осмелюсь предположить, что я вполне надёжно изучила ваши предпочтения, повелитель, — поклонилась газури.

Яоол некоторое время смотрел в потолок, отчего-то пытаясь припомнить, как называется на языке далекого северного края Нагрок такое вот дерево и когда доставили драгоценные стволы. Уже в годы правления отца или до того? Смотрел ли в такой вот потолок его дедушка? О чем думал тот газур, правивший Древом полвека, очень долго и с неизменной мудростью... Можно было бы посмеяться над столь неизбежным утверждением — разве кто-то осмелится записать на бумаге и сберечь в

собственном доме приговор себе же, обвиняя газура в несовершенстве? Но, как утверждают все записи, даже добытые из личных тайных хранилищ опальных зуров или полученные через слуг, неверных своим энэи, деда действительно уважали. Может быть, без восхищения, вполне вероятно, и без поклонения... Дед крепко держал за жабры всех приближенных — так любил говорить уже отец. Он по-своему понимал сказанное и главным способом обретения почтения считал страх.

— Кедр, — вслух припомнил газур.

— Простите? — Жена вздрогнула, поставила серебряный кубок на столик и поглядела в потолок.

— Смешное слово, едва выговаривается, одно рычание в нем, а дерево красивое, теплое, — посетовал газур. Прикрыл глаза и выше натянул покрывало. Гнев не желал уходить. — Твой отец в последнем письме снова позволил себе намекать на мои обя-зательства. Да, я был мальчишка, и к тому же я был в отчаянии... Я едва терплю твое присутствие, так отчего я вынужден про-буждаться и видеть здесь женщину, противную мне до отвра-щения уже тем, что она мне навязана?

— Вы разбиваете мне сердце, — прошептала газури.

— Да? Отчего же ты остаешься жива всякий раз, хотя я раз-биваю ежедневно? — пробормотал Яоол, зевая и потягиваясь, а заодно сбивая кубок со стола.

Серебро звонко покатилося по мрамору, сок выплеснулся, женщина всхлинула так правдоподобно, что сомнений не осталось: ей тоже хочется прикончить супруга. И до слез жаль, что пока не удается...

— Твой отец — худший из всех торговых вауров за два века, — мстительно сообщил газур то, что полагал истиной, совершенной и округлой, как лучший жемчуг. — Он вынудил меня к сделке, хотя следовало бы задобрить юного правителя. Он умудрился разворовать золото, выделенное мною для сре-динных островов в годы голода, хотя не мог не понимать, что убыль столь редкого для Древа металла я замечу, а сверх того отслежу всех его людишек. Познакомлю их сперва с вауром тайного дела, — газур сел на ложе и ласково улыбнулся жене, — а затем позволю увидеть наиболее занятого человека во двор-це — ваура исполнения наказаний.

— Отчего вы обвиняете меня в грехах отца?

Слезы текли по бледным щекам так обильно, губы дрожали

так по-настоящему, что Яоол снова усомнился и даже дрогнул. Смолк, глядя на жену, униженно склонившуюся на коленях и не смеющую коснуться края ложа. За все годы навязанного газуру брака это оставалось неизменным. Повелитель развлекается, как сочтет нужным, танцовщицы меняются, очаровательные юные таори обретают и утрачивают право подать повелителю шарф после купания, а законная жена лишь роняет злые слезы. Или искренне грустит? Первая красавица острова Боон и всей северо-восточной ветви Древа. Сколько раз ей прямо предлагались должные дары: остров, золото и дворец, исполнение трех желаний и любой таор в мужья, по выбору, но она не желала покидать покои. На что надеется и кому тут служит?

— Он еще и разрушил нашу торговлю с севером, — завершил перечислять грехи ваура Яоол. — Наш жемчуг больше не принимают в портах Дэлькоста и Нагрока. Я желал бы обновить кедр, — газур старательно выговорил сложное слово, — он впитал слишком много чужих измышлений и мешает мне отдыхать спокойно. Но такой кедр привозят лишь через перевал Даргмира или северным путем, через Нагрок. Я не могу получить желаемое по вине твоего отца.

— Но я...

— Дворец, муж и золото, что тебе еще требуется? — поморщился газур.

— Я люблю вас, повелитель, — тусклым голосом кое-как решила признаться свой грех газури. Несмело глянула на Яоола: — Я... боготворю вас. Я мечтаю о праве коснуться этого ложа, мне не нужны иной дворец и иной муж.

— Мой отец устраивал подобные дела куда проще, — усмехнулся газур. Отбросив покрывало, он встал и прошел через комнату, осматривая приготовленные одежды. — Унести все. Надоело. Ненавижу цвет крови. Соал, желаю белое с синей отделкой. И поменьше жемчуга.

Доверенный слуга не появился в дверях, но газур не усомнился в том, что его слышали и пожелание исполнят. Сгорбленная спина газури казалась Яоолу отвратительным зрелищем. Стоит на коленях в луже кислого сока — и молчит. Сколько это может продолжаться? Газур вернулся на ложе и сел, теребя край покрывала.

— Сегодня в полдень твой отец прибудет сюда, я намерен рассмотреть все его преступления и принять меры, давно пора.

Но сейчас у меня развязаны руки, его влияние при дворе ничтожно, у него больше нет ни должников среди нужных мне людей, ни права влиять на меня. — Голос звякнул настоящим металлом. — Дерево по его вине утратило слишком много, а вдвойне дурно то, что из-за наших ошибок храм приобрел сторонников и влияние. Я уже приказал доставить в бассейн коралловых змей. Иди и думай. Дворец, остров и муж — или нечто иное.

— Вы милостивы и исполнены доброты, — тихо и твердо молвила газури. Теперь на ее серое лицо было жалко смотреть, весть о скорой казни отца сломила женщину. — Если такова плата... Я буду верна вам, повелитель, у меня нет иной семьи, нет и не будет.

— Убирайся, — тихо приказал газур, наклонившись вперед.

Женщина молча поднялась, пряча лицо, и выскользнула за двери, сутулясь и не смея возражать. В коридоре она расплакалась. Газур зарычал от злости, рванул край покрывала и часто задышал, вынуждая себя молчать, не двигаться и душить раздражение. Он повелитель, и он обязан быть выше слабостей. Женщину следовало давно удалить, разве имеет значение цена?

Соал тихонько кашлянул у дверей, прошаркал через покои и расстелил на краю ложа одеяние. Газур неодобрительно тронул белое с синим — сочетание цветов, недостойное дворца, так одеваются старейшины семей ныряльщиков за жемчугом, когда привозят добытое на торг или во дворец. Похожие цвета допустимы и для пловцов, исполняющих особые поручения.

— Твой отец был ныряльщиком? — спросил газур у слуги, позволяя себя одевать, хотя обычно не терпел помощи в простых делах.

— Вы знаете, — тихо согласился Соал.

— Он учил тебя плавать?

— Да. Он уделял мне столько времени, сколько мог, и порой отказывал себе в отдыхе, но учил и наставлял.

— Ты был лучшим из моих пловцов долгие годы, даже тогда, когда мой отец не позволял мне иметь собственных людей, — улыбнулся газур. — Соал, тебе во дворце не душно?

— Я ежедневно нарушаю великий запрет, ныряю в заливе лотосов и пребываю в воде так долго, что делаюсь счастливым, — спокойно сообщил слуга, поворачивая газура за плечи и отстегивая с пояса старый гребень, чтобы расчесать волосы. — Я мно-

го где ныряю... такой уж я есть. Только я знаю, что вы не приказывали доставить змей.

— Все знают, — пожаловался газур с какой-то детской обидой. — Я ненавижу такие казни, и таорам ведома причина. Соал, что твои люди выяснили относительно храма?

— Араави теперь здоров и снова держит посох. Его видели у моря, — сказал слуга, бережно перебирая пряди довольно длинных волос газура. — Сирин острова Гоотро здесь и никуда не намерена плыть. Ваур тайного дела не отсылал гонцов после вашего письма, проверено дважды. Военный ваур тоже не дал работы пловцам или лодкам. Ваур развлечений отправил три послания, сегодня вам сообщат, кто получатели. За вашими сиренами я присматриваю по своей прихоти. Так вот, они снова ходили к воде и пели. Негодное дело, отчего бы вам не послушать меня?

— Они пока что нужны.

— Они сирены, и меда в них больше, чем яда, — укорил Соал. Отстегнул от пояса кошель и вытряхнул жемчуг. — Еще при старике Рооле в храме служил мой старший брат. До смерти служил, и мы с ним были в ссоре последние пять лет, все из-за ваших дел, уж как обидно...

— Увы, я не в силах помириться с храмом даже ради твоего брата, — признал газур без раздражения.

Слуга довольно долго молчал, сосредоточенно вплетая жемчужины в волосы. Йоол тоже молчал, зная, что старый Соал старается исполнить сложное плетение без единой ошибки. И все равно получается криво, пальцы у него плохие, суставы опухают. Но отказать старику в праве исполнять дело, которое за ним уже два десятка лет? Нет уж, проще позвать иных слуг чуть позже и приказать переплести.

— Отчего я должен таскать на голове всякий блестящий мусор, привлекая внимание чаек? — возмутился газур. — Пусть девушки плетут косы. Решено, я составлю повеление.

— Сегодня с вас довольно и одежд не того цвета, — урезонил слуга. — Все газуры именуются жемчужным великолепием, такова ваша участь. О сиренах-то я начал, едва не забыл. Брат слышал от самого араави Роола: капля божья для тех, кто душой добр, тяжела. Яд голоса причиняет боль, но она хотя бы честна к наказанным. Мед же голоса сулит обман, искушение и грех, поэтому мед есть оружие зла. Тайное, коварное. Те, кого

вам прислал ваш нынешний союзник, наполнены медом, как пузатые кувшины. Откуда вам знать, чей мед они берегут? У вас нет капли божьей. Отравят и обольстят.

— Я знаю силу голоса и ведаю предел его могуществу, — лениво отмахнулся газур. — Меня можно убить, но обольстить...

— Самонадеянный мальчишка.

— Кто бы еще мне это сказал, — порадовался газур, поймал руку слуги и покачал головой, убеждая не влетать жемчуг. — Соал, я самый одинокий газур на свете. Мои сестры меня презирают, помня отношение отца. Моя жена мне отвратительна. Мои родители мертвы, и не старость отняла их у мира, но злоба и расчет. Я не смог отомстить за мать, поверив тебе и приняв то, что отцу не мстят. Но теперь я обязан рассчитаться с теми, кто виновен в худшем.

Слуга сел на ложе, сокрушенно развел руками и промолчал. Он был не согласен, но предпочел отказаться от возражений. У дверей едва слышно вздохнули, испросили разрешения говорить и сообщили о готовности утреннего стола. Газур еще немного посидел и приказал никого не звать, даже ваура тайного дела, пусть явится позже. Встал и двинулся к дверям. Соал зашаркал следом, провожая газура на малый балкон.

— Откушаешь со мной? — предложил Яоол.

— Чего уж там, запреты я нарушаю всякие, — хитро прищурился слуга, пристраиваясь у края стола. — Одним больше, велика ли беда...

— Я приказал готовить твоё любимое, мясо барашка с грибами и никакой морской приправы, — гордо сообщил Яоол.

— Вся жизнь моя — вода, отчего бы не мечтать о суше? — Слуга едва слышно рассмеялся.

— Что скажешь о Граате?

Слуга удобнее прихватил ребро ягненка, старыми немногочисленными зубами впился в мякоть и взялся ее перетирать, щурясь от удовольствия. Газур мысленно напомнил себе: надо похвалить повара, мягкое мясо, как и было велено.

— Лодки храма ушли на Итоозу, я сам на борту первой видел энэи Боу. Они проведут полное дознание. Граат — полезный Древу человек и ничуть не злодей, — буркнул Соал и снова взялся за еду.

— Да, Итооза...

Газур поскутнел и задумался. Слуга умудрялся говорить та-

кое, за что иных бы немедленно навсегда отослали вон из дворца, да еще и приказали вауру тайного дела порыться в делах родни. Увы, у Соала нет родни. Отец следил за тем, чтобы пловцы дворца не могли польститься на соблазны: выбирая неоткупленных или должников, его вауры сразу принимали меры. Чем меньше у слуги своих дел и мыслей, тем полезнее он хозяину. Тем надежнее его служба... Яоол с отвращением осмотрел стол, есть расхотелось окончательно. Мысли отравляли куда сильнее яда голосов. Пройдоху араави на островах ценят и любят, ему служат верно, даже сохранив право на собственные мысли и желания. Уже который год на Гоотро, в стенах главной обители, у Яоола нет ни одного действительно надежного человека, близкого к владыке. Да и прежде при Граате во внутренний круг лазутчики проникали очень редко. Нет и тени надежды скovyрнуть владыку легко и быстро. Хотя долг крови требует возмездия. Что остается? Все то же: Яоол, тень наследника, выдрал жемчужный жезл из рук мужа сестры, не имея еще силы и пользуясь чужим влиянием. Он расплатился за услугу сполна, позволив вору воровать. До поры. Теперь приходится возлагать надежды на подлеца, оказывать поддержку и осознавать всю тонкость грани между уступкой и угрозой своему влиянию, а то и свободе воли. Сирены отступника Гооза сильны, но кому они служат? Соал задал тот самый вопрос, ответа на который у повелителя нет.

Слуга закашлялся, дернулся — и газур замер, не смея обернуться. Голова сделалась едина с шеей, она была кедровой балкой и не желала совершать никаких движений. Яоол прикрыл глаза и так, в темноте, повернулся всем телом. Он знал, что именно увидит. Он сам заказал мясо и нарушил правило, заведенное отцом: не сообщать о своем предпочтении в выборе блюд с вечера. Слишком многие узнают и успеют...

Старый слуга щупал горло, лицо его все больше бледнело, толстые тусклые ногти казались синими изнутри. Яоол всмотрелся, подхватил слугу под спину, проверил веки. Лихорадочно ощупал поясной карман, схватил со стола нож и разжал сведенные зубы, едва не сломав гнилой, в нижней челюсти. Если яд распознан верно, нужный порошок еще мог помочь. Яоол высыпал весь запас, запрокинул голову старика, опустился на ковер и замер, всматриваясь в широкие пустые зрачки. Даже лучший лекарь теперь ничего не изменит, газур это знал.

— Я не имею права быть слабым, отец был прав, — тихо приказал себе Яоол. — Думай, зачем сделали? Для меня, молодого и здорового, не смертельно, я бы многое забыл, очнувшись, и поверил, что всего-то подавился костью... Я поверил бы? Не знаю... Соал должен был теперь идти на пристань, я зол с утра, и такой я всегда выхожу на балкон один. Я отослал ваура и слуг...

Яоол вздрогнул, быстро подхватил старого слугу на руки и перенес в нишу у стены, оставил там, в незаметном от входа месте, вернулся к столу, с сомнением глянул на мясо, нехотя вымазал руки в остывшем соусе и провел пальцем по губам. Сел на прежнее место, расслабился и позволил телу сползти на пол. Со стуком, болью и неизбежными ушибами... Руку газур устроил точно так, как Соал — у горла, оттягивая ворот. Вооружить вторую руку газур решил лишь тем, что могло потребоваться в самом крайнем и невероятном случае.

Он лежал, ощущая, как затекает тело, как сердце рвет боль: Соал нуждается в помощи, он последний, с кем можно хотя бы поговорить, он нужен и дорог... И он лежит, умирает в нише, пока газур использует случай во благо себе, прикрываясь высокими целями — благополучием всего Древа.

Легкие шаги отчетливо слышались уху, прижатому к полу. Некто крадучись проник на балкон, вплотную приблизился и снова ушел. Вернулся не один, газур четко слышал движение двух человек и едва сдерживался, чтобы не раскрыть глаза.

— Он не пострадает? — донесся всхлипывающий, жалкий голос жены. — Он... Он для меня все. Он сказал... наша семья не может потерять все!

Ответа Яоол не разобрал, всей кожей уловив колющие, отвратительно мелкие и плотные мурашки. Яд звучания лишь краем задел его, излитый в чужое сознание. Газури захрипела, пошатнулась и тихо сползла на пол, ее тело придерживали — в этом Яоол не усомнился ни на миг.

Рядом сел некто, склонился к самому лицу, газур это понимал по близкому дыханию, щекочущему уху. Все силы уходили теперь на поддержание должной безвольности тела.

— Ненависть сладка, — шепнул женский голос. — Наша общая ненависть, наша... Общая цель. Общая цель, наша. Общая цель сладка... наша общая цель, месть араави. Все допустимо во

имя мести, месть свята, месть чиста и сладка. Наша общая месть. Общая.

Горячий гнев улегся, остыл от близости мраморного пола и от дыхания врага. Яоол ощущал себя ледяным — он знал слово и полагал, что теперь понимает и его суть. Мысли легко и ровно выстраивались в должную последовательность. Сила голоса сирены пропадала впустую, Яоол не мог представить себе ни единой цели, общей с тем, кто сейчас коралловой змеей кусал душу и вливал в уши мучительнейший яд...

Сирена склонилась низко, и Яоол отчетливо представлял себе ее положение, ощущая прикосновение ткани к руке, колена — к боку, пальцев — к затылку. Он выжидал лишь потому, что знал силу голоса и нуждался в единственном безопасном моменте. Сирена завершила очередное слово и вздохнула.

Золотая игла — разогнутый браслет повелителя, змейка с заточенным хвостом — впиалась в горло безошибочно. Яоол открыл глаза как раз вовремя, чтобы поправить стремительное движение. Сирена захрипела, отчаянно забилась, но повелитель уже сидел на ее спине, без жалости заламывая руки и стягивая запястья сорванным с одежды поясом.

— Горло у вас — единственная слабость. — Усмешка получилась короткой, кривой.

Яоол звучно щелкнул пальцами, вызывая стражей. На привычный сигнал они явились мгновенно, с первого взгляда поняли, побелели — и вцепились в сирену с осьминожьим усердием. Газур позволил помочь себе подняться, сел.

— К вауру тайного дела, — тихо велел он, жестом вынуждая развернуть сирену к себе лицом. — Так... Всех людей Гооза, кто еще в покоях, похороните в море, их безголосого слугу сюда, но проткните горло, не желаю новых ошибок. Лекарь!

Рослый воин в багряных одеждах уже склонился над старым слугой, и газур совсем не желал слушать приговор... Но не мог прятаться от того, что уже произошло.

— Он плох, — тихо признал лекарь. — Если повелитель дозволит вымолвить недопустимое...

— Лишь бы не худшее, не медли, — поморщился газур.

— Голос сирен храма еще вернет его, — едва слышно шепнула лекарь, покрываясь потом, но не смолкая. — Энэи Лоота, говорят, к старости увлеклась исцелением, энэи Дио — ее ученик. Он в храме возле пристани прямо теперь, тут рядом...

— Так делай что следует, — рявкнул газур, с трудом пряча радость. — Бегом! Где носилки? Почему никто не готов к тому, что приключилось? Лодку, все прочее, почему я должен за вас думать?

Стражи засуетились быстрее прежнего, уложили Соала на тяжеленную скамью из столь ценимого газуром кедра и помчались прочь, убедив себя в посильности ноши. Лекарь склонился над газури.

— Кровь ударила в голову, — осторожно предположил он. — Жить будет, скоро очнется. Но, повелитель, умоляю стойко принять худшее: удар может лишить ее подвижности ног или даже всего тела. Так бывает.

— Ничего, главное — жива, — порадовался газур.

Он сел на пол рядом с женой, равнодушно вылил ей на лицо кувшин воды. Хлопнул по щеке, повторил движение. Темные глаза приоткрылись узкими щелями.

— Вот мы и объяснились в любви, — с отчетливым удовольствием сообщил газур. — Я так долго винил себя и даже подумывал, не ошибаюсь ли в подозрениях... Но я слышал твои слова. «Наша семья не может потерять все» — это ведь об отце, его власти над торговым людом и его жадности... Вашей общей жадности. Ты меня любила безумно, теперь нет сомнения. Так можно любить только бездонный сундук с золотом. Что рядом с ним жалкий островок и ничтожный домик в глуши?

Женщина смотрела из-под век с растущим ужасом, ее губы дергались, но непослушный язык отказывался внятно выговаривать слова оправдания. Газур отвернулся и снова сел к столу. Ваур тайного дела явился, едва ему сообщили о случившемся.

— Весьма быстро, — вроде бы похвалил газур. Указал на стол, затем на жену: — Я еще не успел бы остыть... Не зеленей, ты не божество и я знаю меру твоих сил и твоего усердия. И не прошу звезду с небес, просто найди того самого повара, того самого торговца ядами, тех самых глухих слуг у дверей и говорливых — при кухне. Я не желаю казнить неповинных и становиться злодеем в глазах всего Древа.

— Полное дознание, — негромко сказал ваур. Испросив жестом дозволения, он, кряхтя, сел у стола. Тучность мешала ему переносить бремя новостей стоя и сохранять рассудительность.

— Прием назначаю на полдень, — велел газур. — Большой прием. Я желаю дать вауру торгового дела право все выслушать и сказать то, что он пожелает. Также я приму все жалобы таоров и торговцев. И... — Газур поморщился. — Отловите коралловых змей. Некоторые дурные сны сбываются, увы.

— Укус в шею или в руку? Она провела сюда сирену, — сухо напомнил ваур, покосившись на газури. — Иного человека мои стражи не стали бы слушать и не пропустили бы, тем более в ненадежном сопровождении.

— Знаю. Змей я велел отловить для ваура, он виновен в безмерном воровстве, предательстве Древа и содействии нашим недругам с севера, так что казнь для него понятна. С этой женщиной я всего лишь расстанусь, не простив ей предательства, огласите ее вину и мое решение, выделите лекаря, подберите островок поменьше и подальше, домик, наименьшее для обслуживания число людей... — Газур снова поморщился. — Она всего лишь жалкое существо, пойманное на наживку медового голоса. Она полагала, что я не пострадаю. И я не желаю, чтобы моих жен, даже бывших, казнили столь страшно. К тому же жизнь для нее — тоже наказание.

Газур отвернулся и предложил унести женщину. С интересом глянул на слугу сирены Гооза, уже доставленного стражами.

— Я составлю твоему хозяину послание, отнеси его, — велел Яоол. Посмотрел на ваура, уже готового записать слова повелителя. — Или я получу то, ради чего позволили использовать лодки сборщика податей, или некто лишится права доносить до нас свои слова и искать общие... цели. Это все.

Слугу увели, приняв с поклоном запечатанное послание. Газур еще раз поморщился, нехотя распорядился доставить к купальне необходимые для большого приема одеяния и прислать слуг для плетения волос.

— Осмелюсь сказать... — осторожно промолвил ваур тайного дела, хотя обращаться к газуру, уже отвернувшемуся от подданного, нельзя.

— Я знаю, — шагая к дверям, согласился Яоол. — Теперь я буду должен Эраи Граату то, что он изволит запросить. Надеюсь, так и произойдет. Смерти Соала я не прощу ни ему, ни этой чудовищной старухе Лооте.

ГЛАВА 3

Крид и не пытался умничать, выбирая курс.

Простившись с братом и проводив взглядом шхуну, он нацелил лодку носом на юг. Ежедневно Крид, покончив с ранней трапезой, принимался громко и разнообразно, на языках тэльров и оримэо, окликать «русалок». Припасы еще не вызывали печали худобой мешков, воду тоже не требовалось экономить, когда зов принес результат.

Да какой!

Проснувшись утром, Крид обнаружил рядом — в своей же лодке, при полном отсутствии поблизости иных кораблей! — косматого полуседого мужика могучего сложения. Тот лениво проверял снасти и ругался, умело сочетая слова десятка прибрежных княжеств с певучими вздохами эмоори. Принц слушал потрясенно и даже пытался шептать самые яркие фразы, тем улучшая запоминание.

— Что бормочешь? — не особенно любезно уточнил незнакомец на безупречном наречии северного Дэлькоста.

— Восхищаюсь, — честно признался Крид. — Я голову сломал: с чего это наши капитаны налетают на рифы, норовя завести знакомство с хвостатыми девицами, да еще все, ни разу не было сбоя! Теперь сам слушаю и сам в восторге. Впечатляет. Вы русал?

— Че-и-во-о? — Ошарашенный чужак ненадолго обрел типичный для говорящих на эмоори акцент, сел и прекратил ругать беспорядок в лодке. — Голова не болит? Южное солнышко коварно.

— Бок болит, но это еще с севера осталось, на долгую память. — Крид гордо выпрямился в рост и, когда лодка перестала качаться, произнес самым торжественным тоном: — Приветствую вас, славный бесхвостый житель загадочного мира оримэо. Я происхожу из страны Дэлькост и прибыл не от имени короля и без всякого поручения с его стороны, то есть даже втайне. Вот так примерно... Звать можно Кридом.

— Кридом? — вроде бы приятно удивился оримэо и пристальнее всмотрелся в своего попутчика. — Хорошее имя... А я Юго. Если топиться не собираешься, лучше сядь, — усмехнулся оримэо. — Поручения не от короля имеются?

— Полно, — охотно кивнул юноша. — Куда мы плывем, раз ты ловко захватил рулевое весло и управляешь парусом?

— На островах кораллового Древа правит газур, — усмехнулся новый капитан, — но мы к нему не поплывем, раз ты не от короля. Двинем к моей жене. Она красавица и очень значительная фигура на северных островах. У Авэи вообще такая фигура... чудо. Да, что ты городил про русалов? Кто такие, почему взялся их на Древе искать, а не нас?

— А почему у вас страна — Древо?

— Ты коралл хоть раз видел?

— Если в воде, целиковый, то нет.

— Он и есть дерево, он слагает основу большей части островов, — ответил Юго. — Ну рассказывай, что у вас за беда с русалками?

Крид вздохнул и все подробно поведал, с названиями погибших кораблей, датами и описанием обстоятельств. Юго слушал и мрачнел. На закономерный финальный длинный вопрос — как он попал на лодку и вообще нашел ее, где корабль, доставивший сюда оримэо, — Юго не ответил. Видимо, мысли оказались слишком безрадостными. А как могло быть иначе?

— Что ты знаешь о Древе? — после длительного молчания спросил Юго.

— Довольно много, отец собирает сведения, не для короля, но мы с Элишем все знаем, — отозвался Крид. — Если коротко... Вами правит газур, вы верите в богиню моря, ей служат в храме вроде бы девять важных жрецов с жезлами, ими распоряжается кто-то самый главный. У вас много жемчуга и есть особенные люди, умеющие помыкать другими.

— Газур, тут все верно, — кивнул Юго, двигаясь вдоль борта и проверяя наживку. Лишь теперь Крид заметил, что его новый попутчик затеял рыбалку. — Жрецы зовутся араави, сейчас таких семь, и не у всех есть полная сила. Моя жена — лучшая из араави, она во всем лучшая. — Юго принялся вываживать довольно крупную рыбину. — Моя Авэи... А какие у нас славные детишки! Север живет мирно, голода нет. Пиратам я глотку передавал, тут уж да, мое дело.

Поддетая под жабры рыбина забилась на дне лодки, Юго хищно усмехнулся, добывая с пояса широкий нож и одним ударом успокаивая тушу. Он сел и принялся за разделку, продолжая рассказ о том, что острова вообще-то неплохи и даже вре-

менное прекращение торговли со многими портами севера не мешает жить. Но настораживает. Люди Древа теперь куда меньше знают о делах севера, в минувшие пять лет они потеряли многие возможности для наблюдения. И, оказывается, упустили важные и опасные события.

— Что делать, мы пережили несколько крупных распрей тут, в пределах Древа, — посетовал Юго. — Сырую рыбу будешь? Я сам не любитель, но солонина в твоём мешке пахнет, дурной припас. Ты же на юг собрался, не знал разве, что у нас жарко да сырость велика?

— Я думал быстрее добраться или встретить вашу лодку, — честно признался Крид, принимая порцию пищи в незнакомых приправах и беззаботно утоляя голод. — А ничего, даже вкусно.

— На срединных островах было два голодных бунта, потому что на скот напал какой-то мор, а затем приключился неурожай, — загрустил Юго. — Сирены снова учинили непокой, и опять на востоке и северо-востоке, араави там погиб. Вот мы и недоглядели за внешними делами. Опять же, кто сравнится с моей Авэи? Пока она жила на вашем берегу, все было ладно. Теперь её дело — храм. Вот увидишь, как к ней стекаются со всего севера, проповеди слушать и советоваться. Зурами и таорами она крутит — ну точно как прежде вашим королем. Вежливо, почтительно и с пользой для дела.

Крид слушал не особенно внимательно, он набивал живот рыбой, находя новое кушанье замечательным уже потому, что мог есть досыта. Юго все бормотал о сложностях островов, иногда переходя на эмоори, и тогда его вздохи делались особенно протяжными и даже музыкальными. Тем более резким казался переход к нагрокским ругательствам или скороговорке, обычной для припортовых харчевен Лозилью.

— Почему вы сразу мне поверили? — задумался Крид, утоляя жажду после сытного обеда.

— Знаем, кто ты такой и чего от тебя ждать, — пожал плечами Юго. — Крид Гравр Тэль-Коста, от имени храма северных островов могу сказать: нам ты не враг, будь гостем.

— Спасибо за приглашение, — обрадовался Крид первой удаче своего посольства. — Сейчас-то у вас мир?

— Как сказать... В целом — да. Но чудит не только ваш король, — вздохнул Юго. — Говорю же, неладно у нас, и давно. Молодой газур Яоол, едва приняв жемчужный жезл власти,

словно обезумел. Собрался завоевать материковые государства и отдал распоряжение готовить войска. Последний лес на Лаис вырубил. Воинов древней крови яростно перекупал или переманивал. Сирен соблазнял посулами. Коралловый араави Граат пытался осторожно вразумить повелителя. Но даже он долго не понимал, что флот готовится не для северного похода, а для уничтожения влияния храма и утверждения единой во всех делах власти газура. Семь лет назад все обнаружилось. Сирены, тайно возжелавшие возвыситься, стояли за обоими заговорами — и с участием троих араави, и с привлечением сил газура. Эти сладкоголосые были выявлены и схвачены.

Юго смолк. Слишком долго пришлось бы пояснять сыну Мироша то, что для него пока чуждо. Рассказывать о давнем враге храма, сладкоголосом сирене Гоозе, который сгинул с островов два десятка лет назад и вновь дал о себе знать столь страшным образом? Увы, три года назад, когда удалось установить хоть какой-то порядок, Гооз умудрился снова ускользнуть от возмездия и исчезнуть. Как понятно теперь, скрылся на дальних берегах Дэлькоста. Юго, разбирающийся в интригах сирена, сразу предположил, что тот проник в королевский дворец.

Крид теперь внимательно вслушивался в разрозненные пояснения, кивал и подсказывал слова. Он прекрасно понимал Юго. Если человек не рожден для политики, ему трудно молчать, но столь же сложно и отделить допустимое к изложению от тайного или малопонятного, требующего пояснений. Крид пообещал терпеливо ждать приема у Авэи, чтобы задать накопившиеся вопросы. Юго обрадовался здоровой идее и попросил пока что рассказать важное о севере. И сразу узнал кое-что занятное о новом советнике короля Альбера: о сомнительности его происхождения, о том, что его подозревали в гадчайших намерениях, и многое другое.

— Сказанное проясняет картину, — нахмурился Юго. — У вас творится странное? У нас тоже. За последние пять лет при невинных, в общем-то, обстоятельствах гибнут тут и там жрецы верхней ветви, даже один араави скончался. Причины нелепые: то недомогание, то укусы змеи, то рыбаья косточка поперек горла... — Юго закончил чистить нож и зло загал в ножны. — Все странности копятя в храмах островов северо-запада, северо-востока и востока, погиб наместник Граата на срединных островах. Его жезл утрачен. Храм моей Авэи недавно пережил

набег необычных воров: ничего особенно и не взяли, но изучили коридоры четырех основных закрытых ярусов.

— Это были русалки, — страшным шепотом предположил Крид. Он виновато пожал плечами, восстанавливая серьезность: — Прости.

Полуседой Юго отмахнулся. Не до шуток. Оримэо пояснил, что после того случая он сам озадачился, проявил настойчивое любопытство и выяснил: подобные нелепые вору побывали еще на нескольких островах, всегда интересуясь главным храмом. И теперь... ох, нудный попутчик! Взясся учить язык.

— Счастье твое, за тебя попросила сама Элиис, да еще вынудила меня мчаться сюда, оседлав волну, — сокрушенно признал Юго, слушая издевательство над родным языком. — Стоило бы огреть веслом и везти в храм тихого и покладистого. Ну что ты булькаешь и шипишь?

— Как обр-ращаться к ар-рав-выи? — пролаял над ухом сухопутный щенок.

— Если б ты прибавил мягких звуков и заглотил рычание, я бы давно понял вопрос, — поморщился Юго. — Араави. Два удара: тянешь «а», глотаешь «эр», тянешь «а», повышаешь чуть-чуть тон на втором «а»...

— Я не умею петь.

— Хочешь, разверну лодку? — любезно предложил Юго.

— Нет. А-а-р-р-р...

— Молчи, иначе стражи побьют, аоори севера — мужик серьезный и таких шуток не поймет, — безнадежно вздохнул Юго.

— А чем тут дерутся? — поинтересовался перспективой Крид, вернувшись к родному наречию. — У меня возле борта пара сабель уложена, еще припрятан на корме старый дедов полуторник. Славный меч, мне его бабушка Ната подарила, спасая замок от захламления ржавыми шутовинами. Она так зовет непонятное оружие. Со стены дальнего каминного зала сняла... И вообще, где у вас, наконец, русалки?

— Переходили от твоего произношения. А если всерьез, понятия не имею, кто такие. Могу взамен познакомить с Роулом, чем-то имечко похоже. Он старший сын Авэи, вы поладите. Хоть и без хвоста парень, но плавает не хуже рыбы, обожает драки в воде и на берегу. Увы нам, наверняка вы поладите слишком быстро и шуму от вашей компании окажется чересчур

много. Помолчи пока что. Входим в туман. Сейчас минуем — и будет берег.

Заклятый туман, легенда Запретных островов, представлялся Криду совсем иначе. На картах он изображался красивыми завитушками. В портовых корчмах Дэлькоста сплетни о тумане были еще более витиеватыми. По морскому обычаю, рассказчики все до единого ввали не с чужих слов, но вдохновенно излагали опыт своего плавания. Или в крайнем случае клялись, что именно так им поведал подобранный в открытом море израненный боцман. Само собой, он хрипел горлом и, сообщив страшное, тотчас скончался в корчах...

Обычно говорили, что туман виден издали: он якобы стоит стеной в три корабельных роста, если вымерять от киля до верхушки мачты. Еще ввали, что туман плотный, корабль об него ударяется и начинает мягко сбрасывать ход, а затем, как стрела, прогибает тетиву неведомого и та мощно выталкивает его во вне. Иной раз корабли переворачиваются после броска... Если же запретное настроено с особенным коварством, оно впускает корабль, облепляет его серым душным мешком и тянет в логово морского чудища.

Наглядности байкам добавляют рисунки на карте. Веселые толстобрюхие чудовища, пообедавшие чьим-нибудь кораблем, приветственно улыбаются во всю пасть, зазывая новых гостей к ужину...

Настоящий туман повел себя не менее коварно, но совсем иначе. Он выступил с поверхности моря, как тонкий дымок над перегретой сковородой, постепенно разросся летней травой, стебельками потянулся вверх, застыл горизонт, и слой за слоем укутал солнце, пока оно не пропало. Сделалось тихо, сумеречно. Штиль пал на воду. Крид осторожно встал в лодке в полный рост и огляделся. Хмыкнул, добыл компас и убедился в подлинности хотя бы одной части легенд: стрелка металась, сойдя с ума, искала север и не находила, всякий миг меняя мнение.

— Сядь, не дергайся, — посоветовал Юго. — Туман — штука особенная. Этот, у корней Древа, вроде верного пса на службе у моей Авэи. Уже распознал нас и сейчас уйдет дальше, бродить дозором и ловить чужаков в свою серую сеть.

— А чудовище у вас есть? — понадеялся Крид.

— Как на картах, с жирным брюхом? — рассмеялся Юго. — Откуда бы... Голод был даже на Тооди.

ГЛОССАРИЙ

Аоори — воин древней крови. Командует отрядом таких же, как он, воинов. Как правило, аоори находится в прямом подчинении араави.

Араави — высший жрец храма богини Сиирэл. Перламутровые араави обладают жезлом из перламутра в золотой оправе и держат ветвь власти в пределах одной из территорий. Коралловый араави, владыка, обладает посохом из коралла, управляет всем храмом Древа, в том числе распоряжается перламутровыми араави. К владыке принято обращаться «ваша сиятельность».

Ваур — высокий чин, придворный или военный. Соответствует рангу министра, советника.

Волна — стихийное бедствие, обрушивающееся на Древо с удручающей регулярностью и являющееся зримым подтверждением существования Сиирэл, богини вод.

Газур — повелитель всего Древа. Символ его власти — жезл с наверху, усыпанным отборным бесценным жемчугом. К газуру принято обращаться «ваше великолепие».

Гоотро — остров в основании кроны Древа, на нем размещается столица (с одноименным названием) архипелага, главный дворец газура и главный храм Сиирэл.

Граон — монета чеканки Древа.

Древо, коралловое Древо — архипелаг в южных широтах, состоящий из многих сотен островов и островков, в основном небольших. Лишь срединные имеют вулканическое происхождение и высоки, даже обладают горами без снеговых шапок.

Зур — чиновник, представляющий власть газура на одном или нескольких островах либо в каком-то важном деле. Например, надзирает за добычей жемчуга.

Нэй — мера длины в метрической системе Древа, составляет примерно 900 метров.

Орим — заведение, предлагающее пищу, напитки и комнаты для проживания.

Оримэо — народ, населяющий Древо.

Ришл-араави — второй жрец в ветви власти, обычно преемник или ученик перламутрового араави.

Сирена — человек, наделенный даром убеждения, именуемым медом голоса, и (или) даром причинения вреда, именуемым ядом голоса. На островах такие люди считаются младшими детьми богини Сиирэл.

Сирин — человек с особым даром управления водами, таких зовут старшими детьми богини Сиирэл.

Таор — представитель родовой знати Древа, прямой вассал газура, не платит податей, но снабжает газура дарами. Чаще всего из этой среды газур берет себе жену, а также среди таоров иногда, но не обязательно, набирает вауров.

Тооло — боковые поплавки обычной для Древа большой лодки, чаще всего — тримарана. Хотя в пределах Древа строят и лодки без поплавков, сдваивая корпуса, добиваясь таким способом устойчивости на волне и создавая широкую ровную палубу, удобную для парадов и перевозки таоров.

Ур — исполнитель при вауре или зуре, обычно мелкий чиновник или глава небольшого отряда охраны.

Храм — институт поддержания веры в богиню моря Сиирэл. Жрецы и служители носят синие одежды, уровень в иерархии определяется наличием белой каймы на одеяниях, ее шириной и вышивкой. У перламутровых владык, например, кайма парадных одеяний имеет ширину не менее двух пальцев и плотно заткана серебром, повторяющим узор оправы для перламутра их жезлов.

Эмоори — язык народа, населяющего Древо.

Энэи — вежливое обращение, близкое по смыслу к «господин», но выражающее скорее не социальный статус, а уважение: энэи может называться и газур, и араави, и сирена, и рядовой оримэо.

СОДЕРЖАНИЕ

ПОСЛЕДНИЙ СИРИН.	7
МОРИИЛЬ	313
Глоссарий	665